

Гай Юлий Орловский

Ощущения

Длинные Руки — ярд

Под ногами — Большой Хребет,
разделивший материк, а может быть
и не только материк. На
одной стороне другая половина мира,
в небе драконы, в лесах орки,
тролли, гномы и великаны,
но кто смотрит на эту мелочь,
когда впереди сиватки с самым
страшным зверем на свете, а то
и во вселенной — человеком.
Сэр Ричард, доблестный рыцарь
и палadin, могучий герой на дивном
единороге, вступит на землю
таинственного Юга.

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – ярл

«ЭКСМО»

2005

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – ярл / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2005 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-12418-7

Под ногами – Большой Хребет, разделивший материк, а может быть, и не только материк. На той стороне другая половина мира: в небе драконы, в лесах огры, тролли, гоблины и великаны, но кто смотрит на эту мелочь, когда впереди схватки с самым страшным зверем на свете, а то и во вселенной – человеком. Сэр Ричард, доблестный рыцарь и паладин, могучий герой на дивном единороге, вступает на землю таинственного Юга.

ISBN 5-699-12418-7

© Орловский Г. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – ярл

*Грехи смертные:
гнев, лень, гордыня, зависть,
скудость, чревоугодие, блуд.*

Часть 1

Глава 1

Копыта коня сэра Смита и мула Кадфаэля начали скользить, едва мы покинули жаркую, прокаленную солнцем долину и стали взбираться по широкой горной тропе. Сэр Смит еще вчера благоразумно подковал коня особыми подковами с острыми шипами, Кадфаэль внял предупреждению и сделал то же самое с мулом, сейчас я слышу сухой стук, словно копыта ступают по стеклянным глыбам или по хрустальному плато. Рядом тянется в синее небо стена из гигантских кристаллов не то соли, не то кварца: тускло блестит, солнце рикошетит и больно бьет в глаза.

Смит жизнерадостно напомнил про знатоков, что пугали злым солнцем выше в горах. На вершинах почему-то холодно, хотя вроде бы к солнцу ближе, но блеск стал невыносимым, надо смотреть сквозь тряпочки.

Воздух начал свежеть уже на второй день, а на третий забыли, что на дворе еще лето. Мы захватили с собой не только теплые одеяла, но и дрова, вдруг да в горах не отыщем, для ночевки отыскивали небольшую каверну, почти пещеру. Из стены вывалился крупный кристалл, то и куча, но, скорее, в структуре кристаллической грозди случился сбой, вот и выемка, как дупло в зубе. Поместились все трое, Пес намерился было с нами, я сказал укоризненно:

– А твой друг Зайчик один останется? Да и сторожить кто будет? Ты же у нас самый-самый!

Пес виновато опустил голову и помахал хвостом. Кадфаэль погладил его по огромной голове.

– Брат паладин, ты слишком... слишком. Это к людям нужно быть строгим, особенно – к себе, но твари неразумные целиком от нас зависят, у них нет дарованного нам Господом права выбора. Пусть спит с нами. Все равно услышит, если какой зверь шевельнется или почешется в радиусе полмили.

Я похлопал Пса по загривку.

– Ладно, ложись с нами, лежебока. Благодарю брата Кадфаэля. Если бы он так же людей любил...

– Я люблю человечество, – ответил Кадфаэль кротко и посмотрел на меня чистыми честными глазами киллера. – Это достойнее.

– Да-да, – согласился я. – И через это счастье еще пройдем!

Рано утром я выбрался на четвереньках, справа и слева отвесные стены, нещадный блеск льда больно бьет в глаза. Хребет, разделивший континент, упирается в небо. Все, кто видел, куда мы идем, в один голос говорили, что никому не перейти через гребень, человек начинает задыхаться еще задолго до вершины. А если упорствует – падает и помирает, хватаясь за грудь. И вот только в двух местах древние маги прорубили дорогу.

За спиной зашелестело, сэр Смит вышел из пещеры, могучие челюсти еще мерно перемалывают сухое мясо, на усах хлебные крошки. Задрал голову, долго смотрел на циклопическую стену, затем недоверчиво потрогал стену.

– Сэр Ричард, – произнес он в сомнении, – я просто не решаюсь даже сказать...

– Мне можно, – ответил я. – Мне все можно.

– Начинаю понимать, почему хребет настолько высок! Почему такая крутая стена не рассыпается под собственной тяжестью...

– Почему же?

– Либо я идиот, либо это почти цельный кусок кварца... или чего-то вообще ценного, что Господь поставил нам в назидание... Я этого не понимаю и от этого чувствую себя забитым и несчастным.

Из пещеры вышел, сильно щурясь, исхудавший и очень бледный Кадфаэль.

– Задача, – объяснил он кротко, – сделать человека счастливым, не входила в план сотворения мира.

Смит огляделся, горестно вздохнул.

– Вообще-то за шесть дней трудно сделать что-либо путное.

– Что сделано за шесть дней, – поддакнул я, – приходится доделывать вечность.

– Если мне не изменяет память, – задумчиво проговорил сэр Смит, – на седьмой день от начала сотворения мира Господь решил отдохнуть. И, боюсь, все еще отдыхает.

Кадфаэль посмотрел на обоих с укором.

– А вы ждали, что все сделает за вас? Господь чудотворец, но не фокусник. Он не станет делать ту работу, которую обязаны сделать мы.

Я молча оседлал Зайчика, Кадфаэль и Смит сняли с морд своих животных мешки с остатками овса. Пес, отоспавшись, прыгал и приглашал коней бегать с ним наперегонки.

Горная тропа то расширяется, то исчезает под рухнувшими камнями, приходится где искать обход, где осторожно перебираться через завалы. Пес рыщет, как скаут, однажды унесся так далеко, что видели только исчезающую черную точку, потом разглядели, что далеко-далеко впереди из земли, преграждая дорогу, торчат четыре спицы, сверху вроде бы наколото кривое бревно, но по мере того, как подъезжаем, под ложечкой сосало сильнее. Четыре неправдоподобно тонкие и длинные колонны возносятся на неслыханную высоту, а там соединены остатком стены, видны три изящно выгнутые арки, однако то, что наверху, давно рассыпалось в пыль, внизу не осталось даже камней, но бесконечно хрупкие с виду колонны все стоят, странные и непонятные...

Брат Кадфаэль тут же на всякий случай перекрестил их и прочел молитву, а Смит воскликнул предостерегающе:

– Сэр Ричард, не подходите! Это колдовство, не иначе!

– Ну еще бы, – согласился я. – Все, что не вино и бабы, – есть магия и колдовство.

Он спросил недоверчиво:

– А что есть еще?

Я буркнул:

– Есть армированный титаном бетон, есть конструкции с примесью ванадия и хрома...

Честно говоря, сам не знаю, что это. Вижу только, что нечто прочное...

– Значит, – сказал он хмуро, – тоже колдовство.

Я спешил, ощупал колонну, не толще моего туловища, однако же устремилась на высоту десятиэтажного дома. Камень, обыкновенный камень. Правда, не песчаник или базальт, а прочный гранит, но и гранит не простоял бы так долго. К тому же камни уложены как будто с нарочитой небрежностью. Впечатление такое, что пихни чуть-чуть, и все здесь развалится, но спинной мозг твердит, что я еще не встречал ничего более прочного.

Брат Кадфаэль пустил мула вперед, протиснулся между колоннами и поехал дальше. Смит постарался не прикоснуться даже краем одежды, вдруг да какое колдовство прицепится, я на всякий случай попробовал поцарапать камень острием меча, бесполезно, пролез с конем между колоннами и пустился догонять Пса.

На горной тропе копыта скользят, кони оступаются и быстро устают, мы делали короткие привалы через каждую пару часов, кормили коней овсом, сами иногда ели сыр и хлебные лепешки. Брат Кадфаэль ест так мало, будто питается святым духом, Смит на каждом привале берется любовно точить меч, у него никогда такого меча не было, как сообщил мне еще раз, уж он себя с ним покажет...

– Да, случаи будут, – пробормотал я. – Отдохнули? Пора.

Я пошел впереди, пусть кони отдохнут, да и тропка слишком уж узкая, и так приходится держаться за стену. Вдруг показалось, что пальцы уперлись в жуткую оскаленную пасть, я отдернул руку, пугливо посмотрел вперед. Там из стены торчит еще одна такая же, разве что чуть мельче. Я помотал головой, соображая, но видение не исчезло: из ледяной глыбы торчат головы двух рыб. Морды страшноватые, одни шипы да зубы, только глаз нет, совершенно безглазые, словно неведомой силой перенесенные из глубоких подземных озер, где вообще никогда не бывает света.

Смит перекрестился, опасливо посмотрел на меня, но я слишком выбился из дыхания, чтобы удивляться, ну рыбы и рыбы, что такого? Есть речные рыбы, есть озерные, есть морские. Значит, есть и горные, а то что за дискриминация. Говорят, есть летучие рыбы, есть лазающие по деревьям. Значит, есть и такие, что лазают по скалам. Брат Кадфаэль дышит еще тяжелее, но остановился, чтобы перекрестить рыб, сказал с хрипами:

– Господь явил свою мощь... и сотворил чудо!

– А зачем? – спросил Смит.

– Господь не объясняет, – сказал Кадфаэль терпеливо.

– Почему?.. Так бы облегчил жизнь... А то как будто потешается!

– Не богохульствуй, – сказал Кадфаэль строго. – Мы сами должны... да, должны доискиваться. На то и дан разум, чтобы постигать Божественное.

Прошли еще с десяток шагов, Смит ругнулся, а Кадфаэль сотворил крестное знамение: впереди прямо на тропке, что не тропка, а вроде русла быстро иссякшего и превратившегося в лед ручья, сразу три рыбины в локоть длиной, толстые, страшноватые. В лед вмерзли наполовину, а одна вовсе поверху, словно подпрыгнула, а бурно сбегающая с гор вода за это мгновение превратилась в лед.

Рыбину от пинка унесло по льду, словно крупную льдинку. Ударившись об угол, она крутанулась, с хрустом обломился плавник. Кадфаэль перекрестился, а Смит заметил озадаченно:

– Это что же... Никто не поднимался?

– А здесь нет дороги вверх, – пояснил Кадфаэль. – Это мы, как сумасшедшие... Обычно поднимаются либо правее, чтобы выйти к Западному Перевалу, либо левее – к Восточному. Нам к Восточному, оттуда ближе к порту.

Я подумал, сказал со вздохом:

– А мне лучше Западный.

– Сам Западный ближе, – заметил Смит, – но потом до порта три дня скакать. Впрочем, на вашем коне...

Он нагнулся, рассматривал диковинную рыбу, чем-то похожую на сома, только усы подлиннее, а один и вовсе на середине лба, что поставило Смита в тупик, а для меня это сигнал, что рыба привыкла зарываться в ил, выставя кончик уса, а когда какая глупая рыба принимала его за червяка и хватала, то сама оказывалась в пасти.

Промороженная, рыба выглядит почти прозрачной, потому Смит и всматривается с таким интересом, уж он за всю жизнь и оленей наразделявал, и рыб напотрошил на три учеб-

ника анатомии. И сразу видит, что это рыба не та, к каким привык, но в то же время – простая рыба, а не какая-то волшебная. Вся как из перламутрово-прозрачных чешуек, по бокам диковинный узор, красивый, как спинной гребень дракона, еще один поменьше ближе к хвосту, да и сам хвост роскошный, дивный, странная такая избыточность красоты, ведь кому ею любоваться?..

Пес остановился далеко впереди, машет хвостом. Кадфаэль всмотрелся, воскликнул с апостольской благодарностью:

– Господь привел нас к королевской дороге!

– Мог бы и раньше, – проворчал Смит. Усы печально опустились, он с тоской смотрел на сверкающую льдом стену, похожую на поставленное стоймя плато. – Или дорогу бы опустил ниже...

– Потому и уцелела, – ответил Кадфаэль серьезно, – что в камне, а не протоптана в земле... Сэр Ричард!

Пес напрыгнул, пытаясь столкнуть Зайчика, тот попер корпусом, как бык, попытался хватануть его страшной пастью, Пес отскочил, копыта застучали по каменной плите, что уходит в бесконечность.

Воздух свеж, слишком прохладен для жаркого летнего дня, но мы на высоте почти в милю от пробитых в земле колеи далеко внизу. Дорогу можно называть даже императорской: ровная, широкая, тянется вдаль и теряется в туманной синеве.

Послышалось тяжелое сопение и надсадное дыхание, мул Кадфаэля и конь сэра Смита кое-как вскарабкались по осыпающейся гальке. Кадфаэль сложил ладони и вознес горячую молитву, а у сэра Смита снова поднялись усы. Он подбоченился и гордо оглянулся.

– Наконец-то!

– Впереди долгий путь, – напомнил Кадфаэль.

Я повернул голову, дорога уходит вправо и влево, ровная и бесконечная, врезанная в стену. Печаль стиснула мое сердце. Я повернулся к друзьям, оба умолкли, лица очень серьезные.

– Мне направо, – сказал я. – Там Западный Перевал.

Смит сказал бодро:

– Сэр Ричард, на Юг быстрее через Восточный.

– Знаю, – ответил я. – Я уже говорил, у меня там одно дело.

Мы обнялись, длинные усы пощекотали мне щеку, Кадфаэль подышал невеселый, потянулся ко мне со своего мула, как ребенок с игрушечного пони. Я нагнулся, обнялись, Смит подкрутил усы и сказал с натужной бодростью:

– Не думаю, что Юг так уж огромен. Мы еще обязательно встретимся!

– Встретимся, – согласился Кадфаэль печально.

Пес подпрыгивал, подставлял голову под его ладонь. В последние дни Кадфаэль его разбаловал: чесал и гладил, а собаки быстро понимают, из кого можно веревки вить, сейчас Пес едва не взвыл горестно, когда я свистнул и повернул коня.

Зайчик начал набирать скорость, Пес обогнал и постоянно оглядывался, дразня длинным, как у ящерицы, красным языком, Зайчик надал, я отпустил поводья, ветер засвистел в ушах, начал раздирать рот, я уткнул лицо в гриву, ураган проносится сверху, стук копыт слился в дробный шорох, а конское тело начало разогреваться.

Я уже собирался придержать арбогаста, пора осмотреться, как вдруг скорость начала спадать. Дорога, что раньше уходила и уходила в бесконечность, далеко впереди упирается в стену. А слева в стене наискось чернеет неширокая щель.

Пес тут же помчался ее исследовать, Зайчик повернул голову и взглянул на меня с вопросом в коричневых глазах.

– Ничего другого не остается, – ответил я. – Другого пути просто нет.

По отвесной или почти отвесной стене поднимаются только так: по вырубленной в скальном массиве дорожке под углом почти в сорок пять градусов, потом разворот на площадке и в обратном направлении тоже наверх под тем же углом, словно пешком с этажа на этаж по лестничным маршам.

Тропка узкая, при ходьбе прижимаемся к стене. И все равно гранитный край, за которым бездна, в полушаге. Я покинул седло заранее, не могу, когда нога в стремени висит над пропастью, да и Зайчику проще.

Со стороны эта дорожка наверх, выдолбленная в неведомые времена, выглядит ровным зигзагом, перечертившим стену снизу вверх. А если отодвинуться на пару десятков миль, то, наверное, это выглядит красиво, однако каково муравьям карабкаться по такой бесконечной лестнице!

Пес бежит впереди, садится на повороте, где подниматься в противоположную сторону, и смотрит сверху с насмешкой, но уже после первых пяти пролетов высунул язык, стал дышать тяжело, надсадно, с хрипами, а после десятого поплелся сзади.

От недостатка воздуха я останавливался через каждые сто шагов и жадно хватал широко распахнутой, как у жабы, пастью разреженный воздух. Стена поднимается циклопическая, от нее веет доисторическими временами, она должна бы одряхлеть еще во времена динозавров, а к приходу млекопитающих стать ростом с Гималаи, а то и вовсе какие-нибудь мелкие Альпы, но эта уцелела, победно упирается в небо, а там голубизна уже перетекла в густую синеву, та – в лиловость, зажглись первые звезды.

Страх и безнадежность сковали тело больше, чем усталость. Мы останавливаемся отдыхать уже через каждые двадцать шагов подъема, я посматривал наверх и понимал, что вершина Большого Хребта уже в космосе. В смысле в тех разреженных слоях атмосферы, где летчики не обходятся без кислородных аппаратов.

Пес скулит и неотрывно смотрит обвиняющими глазами: ты же человек, ты бог, ты сильный и мудрый, спасай нас, ты все можешь, ты вожак, мы тебе доверились... Зайчик прижался боком к стене, я впервые вижу его изнуренным.

– Не знаю, – прохрипел я, – но как-то Валленштейн прибыл на турнир? Не один... с командой.

И снова подъем. И еще пролет. И еще. Сверху блеснул странный луч, похожий на лазерный. Я с великим трудом поднял чугунную голову, в затылке болезненно заныло. В безумной выси встопорщенный гребень горного дракона пробило искоркой, будто прямо в скальном массиве зажглось крохотное солнце, остро кольнуло в глаз и тут же исчезло.

Встревоженный, я заставил себя всматриваться напряженнее, ощутил знакомое головокружение, зато каменная стена приблизилась, разрослась. Я ахнул, ноги превратились в воду. Каменная стена, что упирается в фиолетовое небо, прорезана, как упавшим с неба лазерным лучом. Проход настолько узкий, что муравей обдерет бока о смыкающиеся стены...

При взгляде на такое сверхузкое ущелье по телу бегут мурашки размером с майских жуков. Я простонал сквозь зубы, Пес посмотрел с сочувствием, горестно вздохнул.

– Тебе хорошо, – выдохнул я через силу. – Кто знает, что у тебя за легкие...

Зайчик подышал в затылок горячим воздухом. У этого боевого спутника вообще может быть ядерный реактор... ну, какой-нибудь биологический. Только что едва дышал, а сейчас вот отодрал из стены обломок камня и снова бодр и свеж... ну почти бодр и свеж, разве что чаще сгрызает неровности в стене, а осколки жует с таким смачным хрустом, что треск идет на мили.

– Ладно, идем...

Когда до Ущелья осталось не больше сотни метров, я понял окончательно, что никогда и никому не удалось бы перейти этот хребет. Гребень вышел в те слои атмосферы, где человек попросту задохнется. Или лопнет, как глубоководная рыба. Птицы и драконы здесь не летают, нет опоры для крыльев. И если бы не это удивительное ущелье...

Пес пробежал вперед, я гаркнул измученным шепотом, он послушно остановился. На черную кожу падает странный металлический отсвет, я одолел последние три метра подъема, тело ноет, я вытаращил глаза и застыл, не понимая, что я вижу.

В циклопической стене прорезана щель шагов в пять шириной. Эта щель тянется вдаль, постепенно сужаясь, и кажется, что в конце концов мне придется идти боком, и то сплюснутому в бумажный лист. На грани видимости, в невообразимой дали, на черном бархате горит, словно воткнутая в землю вязальная спица, тонкая вертикальная щель.

Под ногами блестящая поверхность, словно застывшая вода, я поднял голову, и все помутилось перед глазами. Я ухватился за стену, чтобы не рухнуть кучей дерьма: этот отполированный до блеска камень устремлен в фиолетовый космос, вот звезды, хотя сейчас день!

– Надо идти, – проговорил я похолодевшими губами. – Господи, что за сила прорубила в этих горах такой проход? Ангел ли Гавриил огненным мечом?..

Пес помахал хвостом, соглашаясь, а Зайчик за спиной фыркнул, мол, вряд ли, скорее – сам Господь, ангелам такое не под силу.

– Бобик, – сказал я чуть тверже, – рядом! Иди рядом, я не знаю, что впереди... Да и страшно без тебя. Зайчик, ты тоже иди рядом...

Глава 2

Так и вступили на этот странный лед вдвоем, звонкое эхо от тяжелых копыт ударилось о стены и вернулось с металлическим отзвуком. Блеск серого гранита, срезанного идеально ровно и еще как будто отполированного, становится странно знакомым, я снова ахнул, не понимая, как это каменная стена плавно переходит в металл, вся стена из некоего сплава, кремни-органика... нет, понятие металлокерамики чуть ближе...

– Стой! – прогремел могучий, усиленный эхом в тесном ущелье голос.

Он вышел вперед, выделяясь могучим сложением, уверенный в движениях, чуточку косолапая, не то моряк, не то кавалерист. Руки чуть врасстырку, но в самом деле это горы мышц не дают прилегать к бокам, широкая грудь, плоский живот, длинные руки. Все это закончано в темные блестящие доспехи, подогнано настолько плотно, что отдельные пластины легко надвигаются одна на другую, как крупная рыба чешуя.

Шлем конический, забрало поднято. Холодные голубые глаза смотрят с ленивым презрением. На Пса лишь повел глазом, однако встал так, чтобы не загораживать бойниц, я отчетливо увидел блеск на головках стальных арбалетных болтов. Из другой стены поблескивают такие же точно.

Я старался выглядеть спокойным и даже обрадованным, наконец-то добрался до «своих», но в то же время я мужчина и не должен выказывать чувств, нужно только, чтобы командир заставы ощутил мой настрой. Во мне ничего от христианствующего рыцаря, даже крестика на шее нет, Богу по фигу эти смешные знаки отличия. Они нужны только нам, а мы сами решаем, кому постоянное напоминание необходимо, кому нет, кто носит крестик на груди под рубашкой и доспехами, а кто рисует его во всю ширь на шлеме, доспехах, щите, плаще и даже на конской попоне.

Так что смотрю на командира стражи с превеликим удовольствием: высок, широк, в изумительных доспехах, что под стать герцогу, держится вежливо, но с тем превосходством, с каким король взирает на самых бедных и несчастных из своих подданных.

Офицер оглядел меня с головы до ног, спросил без враждебности и подозрительности, так характерной для людей хамского сословия:

– Кто, откуда?.. По какому делу?

Я повел бровью в сторону затаившихся стрелков.

– Прекрасная выучка. Не оставляют шансов. Долго пришлось учить, чтобы не расслабились?

Офицер самодовольно улыбнулся.

– Заметили?.. Из новичков выгоняю две трети в первый же месяц. Именно за то, что расслабляются. Мол, если здесь раз в месяц и пройдет кто-то, уже чудо. Так чего стараться? Идиоты. В Императорской Страже таких не терпят.

Я снял с пальца фамильный перстень Валленштейна. Офицер бросил на него беглый, но очень цепкий взгляд, поинтересовался:

– С посланием от герцога?

– С очень важным, – ответил я. – Герцог задержится. Надолго.

Он смотрел на меня очень внимательно.

– До нас доходили слухи... Вообще-то мы как раз в таком месте, что все слухи проходят через это ущелье.

Я понизил голос:

– Одно могу сказать: проникновение началось. План «Тихое вторжение».

Он внимательно осмотрел кольцо, бриллиант с вырезанным гербом сверкает, мне почудилось, что офицер видит в нем больше, чем я, сердце дрогнуло и застыло в тревожном ожида-

нии. Наконечники арбалетных стрел блестят, как зубы пираний. Солнечные лучи заискрились множеством лучиков, когда офицер поднял кольцо и посмотрел сквозь него на солнце.

– Да, – произнес он. – Теперь такое сделать невозможно. Узнаю кольцо клана Макгирли. В самом деле помнит времена еще Третьей Эпохи, как говорят?... Но это кольцо слишком ценно, чтобы служить пропуском.

Улыбка еще оставалась на губах, но глаза стали колючими. Стоит все в той же позе, не загораживая собой арбалетчиков.

– Верно, – ответил я негромко. – Вы прекрасный офицер, замечаете такие тонкости. Дело в том, что я не просто гонец... Мне нужно от имени герцога сделать несколько распоряжений. Так что не особенно задерживайте, когда в противоположном направлении поскачут сотня-другая воинов... словом, сколько я сумею собрать за короткий срок. Возможно, не все ввиду спешки успеют запасть пропусками.

Его глаза несколько мгновений изучали меня, я чувствовал знакомый холодок по коже, здесь стража обучена еще и магическому прощупыванию.

– Вы будете с ними?

– Увы, – сказал я. – Мне нужно будет собрать еще людей... способных управлять... в новых местах.

Его глаза потеряли настороженность, произнес по-деловому:

– Понимаю. Я сделаю все, чтобы помочь им поскорее пройти Перевал.

– Спасибо, офицер, – сказал я значительно. – Ставки в самом деле высоки.

– Остерегайтесь разбойников, – предупредил он.

Я усмехнулся, хлопнул по рукояти меча.

– Недостаточно?

Он покачал головой.

– Собираются в такие отряды, что уже и не разбойники, а легкие войска. Встретят караван – разграбят, но оставляют коней и верблюдов. Кто же режет курицу, что несет золотые яйца! А рыцарей убивают. Они называют себя людьми клана Гордого Сокола, но для нас они простые варвары.

– Это тоже понятно, – согласился я. – Спасибо, буду смотреть в оба!

Он улыбнулся, одобрительно скользнул взглядом по блестящим бокам моего коня.

– Но ваш могучий конь, как догадываюсь, вряд ли позволит себя догнать!

– Вы же знаете, – ответил я и посмотрел ему в глаза значительно, – у нас неслабые союзники. Конь от них.

Мне показалось, что он не то побледнел, не то сделал движение отшатнуться.

– Хорошо, – произнес он чуть тише, – можете продолжить свой путь, сэр. Позвольте, проведу вас мимо наших аванпостов... да и дальше там заграждение... Так, на всякий случай.

Я уже и сам увидел далеко впереди странного вида решетчатые ворота из толстых стальных прутьев. Выглядят достаточно высокими, чтобы не перепрыгнуть на коне, даже если он может скакнуть выше леса стоячего.

Я вскочил в седло, разобрал повод, офицер сделал приглашающий жест и пошел впереди. Впереди черный блестящий пол разрисован, как мне показалось, неуместно яркими красками, в этом строгом великолепии пестрота выглядит, как балаган в консерватории. Зайчик ровно и мелодично стучит копытами, я не поверил глазам: через все ущелье от стены до стены постелены церковные ризы, брошены иконы. Сердце мое екнуло и сбилось с такта: впереди на полу прекрасное изображение Девы Марии.

Офицер скупно усмехнулся.

– Ни один христианин не пройдет. Не сумеет.

Я заставил непослушные губы шевельнуться:

– Но... разве он не может... заставить себя пройти, чтобы потом... отомстить?

– Нет, – ответил офицер гордо, – наши колдуны, а они есть среди стражей Перевала, сразу же почувствуют острые душевные муки.

Детектор лжи, мелькнуло в голове, я растянул губы в улыбке:

– Остроумно. В самом деле, изобретательно. Зайчик, вперед!

Офицер вскинул руку.

– Стоп-стоп. Здесь вы должны сами. Своими ногами, как говорят, попирая христианские святыни. Конские копыта – все-таки не совсем то...

– Нет проблем, – ответил я, но сердце сжалось. – Нет проблем!

Я слез неспешно, в голове тысячи мыслей, череп разогрелся, детекторы лжи дают девяносто девять процентов вероятности, но сильные умы умеют их обмануть, а я ли не закален своим миром...

Офицер отступил в сторону и внимательно наблюдал, как я взял коня под узцы и повел через ущелье. Несмотря на зеркальность, сцепление идеальное, словно двигаюсь по шероховатому камню. Изображение приближается, но это вовсе не лицо Девы Марии, а всего лишь нанесенные на поверхность камня цветные линии. Я ни в коем случае не наступлю на лицо... стоп, не так, я всего лишь пройду по цветным линиям, пятнам и даже вкраплениям камней другой породы, которые складываются в определенный узор и образ... нет-нет, никакого образа!.. это краски, намертво впечатанные в камень краски, самые разные краски...

Я вступил на первые цветные пятна, все время напоминая себе насчет красок и всяких там цветных пятен, которые мозг зачем-то комбинирует в некие раскодированные символы, сзади успокаивающе фыркает Зайчик и тычется губами в шею. Офицер не двигается, все правильно, не желает отвлекать. В бойницах поблескивают, как осколки льда, острые наконечники стальных стрел. Я думал о Зайчике, следил взглядом за Псом, что пробежался на ту сторону ущелья, постоял с минуту и так же вихрем вернулся обратно. Вид у него обычный, ничего там не удивило...

Наконец я ступил на поверхность, не тронутую красками, оглянулся, стараясь не смотреть вниз, за мной шагах в пяти идет улыбающийся офицер.

– Неплохо, – сообщил он. – Даже лучше, чем иные из наших. Только в одном случае вы чуть ускорили шаг, а в другом... что-то вроде сожаления?

– Да и сейчас дискомфорт, – ответил я как можно чистосердечнее. – Все-таки женщина! Молодая, красивая. Нет у вас святого, звери... Могли бы Иисуса Христа нарисовать? Или самого Творца?

Он коротко усмехнулся.

– Всякий, кто прослужит здесь хоть сезон, скажет, что вы абсолютно правы. Женщин нужно использовать иначе.

Мы оба обменялись понимающими улыбками. Он козырнул, повернулся к воротам. По его взмаху железная решетка дрогнула, в середине возникла вертикальная щель. Гигантские створки медленно начали укорачиваться. Когда щель раздвинулась достаточно, чтобы прошли бок о бок пара слонов, я сказал дружески:

– Хватит. Мы худые, протиснемся.

Офицер ответил с некоторой досадой:

– Не предусмотрено. Вы вообще-то первый одиночка. Все обычно сбиваются в большие группы.

Я сказал с сочувствием:

– Вот что получается, когда нет ручного управления.

Он усмехнулся, как собрат собрату, настоящие воины больше доверяют мечу в руке, чем этим колдовским штучкам, отсалютовал, я свистнул Псу, Зайчик пошел ровной рысью. Копыта звонко стучат по зеркально ровной поверхности, там в глубине скачет перевернутый всадник, а под Псом несется его отражение, абсолютно реальное, словно в самом деле скачем по зеркалу.

От стены до стены все те же пять шагов, но когда я смотрел вдаль, дрожь пронизывала тело, я чувствовал, как стены сдвигаются, мои кости хрустят, а кровь выплескивает на непомерную высоту.

– Зайчик, – сказал я с натужной бодростью, – давай быстрее... А то я начинаю клаустрофобничать...

Конь мотнул головой, копыта застучали чаще, в лицо подул ледяной ветер. Я укрылся за гривой, сдуру оглянулся, похолодел. Сзади стены тоже сдвигаются, как и впереди, и только здесь, где мчимся, все еще пять шагов от стены до стены.

Пес наконец сообразил, что вправо и влево за добычей не побегаешь, рыкнул разочарованно и так наддал, превращаясь в черную распластанную молнию, что как Зайчик ни мчался, превращаясь в выпущенную сильной рукой стрелу, Пес исчез, а через минуту узкая щель впереди стала медленно раздвигаться.

Я торопливо сменил Зайчику аллюр, через минуту перевел в галоп. Далеко впереди сидит на заднице, похожий на худого медведя, Пес. Он не оглянулся на приближающийся стук копыт, я тоже старался не замечать уходящие в фиолетовое небо с редкими звездами стены, впереди распаивается пугающий простор, словно мы оказались на краю мира.

Стены справа и слева отодвинулись и ушли за спину. Зайчик фыркнул, вздрогнул и остановился, тревожно прядая ушами. Раскинувшийся у наших ног зеленый мир выглядит болотом: старым умирающим болотом, полностью закрытым толстым зеленым слоем мха, вон кое-где слегка выпирают округлые кочки, само болото тянется и тянется... вот только там, на грани видимости, проглянула проплешина воды...

И только потрясенным сознанием понимаю вопреки увиденному, что это не болото, а густой великанский лес, болото же с высоты соплеменных, а то и выше, гор.

– Бобик, – сказал я хриплым голосом, – мы уже на другой половине мира... Вперед, но будь осторожен.

Дорога устремилась вниз, все так же вырезанная в стене, снова с пролета на пролет, но уже в обратном порядке, узнаем, в самом ли деле вниз труднее, чем вверх... солнце в зените, дорога блестит, как вытертая кожа, копыта стучат намного бодрее, а Пес вообще унесся далеко, делает вид, что не слышит окрика.

Через два часа нескончаемого спуска земля внизу приблизилась, отсюда с высоты птичьего полета панорама, ввергающая в дрожь: зеленая долина, почти вся распаханная, множество деревушек, голубые озера, а далеко-далеко еще одна каменная гряда, правда, карликовая, похожая на широкий пояс из старой выделанной кожи. А пряжкой служит великолепная крепость, отсюда не рассмотришь, но впечатление такое, что крепость затыкает собой, как пробкой, проход в каменной стене.

Еще через час в окружении карликовых деревьев внизу проступил полуразрушенный храм, вокруг него, почти скрытые зеленой, статуи в виде спящих рыб, а в сторонке страшно простирается к небу раздробленное молнией исполинское дерево, слишком огромное и чудовищно изуродованное для заурядного дерева, что все еще дает зеленые побеги.

Пес сбежал вниз, сделал круг и вернулся с докладом, что врагов не обнаружено, а насчет добычи мне стоит только намекнуть.

– Пока не надо, – сказал я строго. – Везде цивилизация! Закончились пустыни!.. Мы будем спать на чистых простынях. Не хочешь?.. Ладно, ляжешь на сене. Или на шкуре...

Зайчик шумно вздохнул, когда копыта коснулись земли, уши встали торчком. Я чувствовал, как мышцы напрягаются, готовые бросить его вскачь, бедный конь измучен спуском на полусогнутых задних, даже ошастливленный Пес нарезает бесконечные круги, не нарадуется...

Земля загремела под копытами, трава и кустарники уносятся под брюхом, сливаясь в зеленую полосу. Далекая крепость вырастает с каждой минутой, я чувствовал необъяснимый

трепет во всем теле. Королевский замок в Зорре огромен и дышит силой, мой замок Амальфи превосходит королевский размерами и ощущением мощи, но это...

Другой мир, сказал внутренний голос. Ты ведь хотел попасть на Юг? Начинай получать первую порцию...

Узкое ущелье в отвесной каменной гряде перекрыто высокой и очень толстой стеной, а по обе стороны на высоких горах, по массивной башне, каждая с донжон, обе соединены узкой перемышкой стены, по верху которой можно на коне, а то и на повозке. Обе башни ощерились в небо высокими башнями с острыми шпилями, внизу в стене высокие и массивные ворота и еще более массивные барбаканы.

Башни с подозрением смотрят темными бойницами, за ними явно амбразуры: хорошей крепостью владеет герцог Валленштейн. Это не замок, а могучая крепость, что возвышается даже над горами – горделивая, великолепная, огромная, отгородившаяся каменными стенами и перекрывшая единственный проход в герцогство. Горы выросли так удачно, что явно здесь рассказывают про какого-нибудь могучего мага, что и крепость вознес на вершину самой высокой горы, срубив верхушку, каменный забор в четверть мили высотой поставил, дабы никто даже не пытался взять штурмом.

Широкая и ухоженная дорога, диво дивное – словно вымощена камнем! – ведет мимо крепости, где-то в двух-трех сутках такой вот неторопливой езды берег моря, даже океана. Этот тракт приведет в крупный морской порт, из которого отплыву на таинственный материк по ту сторону океана.

Взгляд упал на кольцо, за эти дни привык, это сперва тяготило. Одно дело – почти невесомое кольцо, что к тому же залезло под кожу, другое – с этим надменным камешком, что и не камешек, а камень, глыба, которой бумаги не припечатывать, а придавливать можно...

Я начал снимать, брошу здесь на дорогу, свое отслужил. Кольцо сопротивляется, но ползет, зараза. Пальцы от жары и усталости распухли, нужно было сразу снять еще там, а то и вовсе не надевать, как только миновал таможенный досмотр.

Слева от дороги поплыли первые домики, донеслись крики, по улице пронеслись всадники на легких конях. Я видел, как двое мужчин отчаянно отбивались кольями от всадника, тот размахивал мечом, а когда на них помчался еще один всадник со вскинутой булавой, один из защищавшихся бросился бежать, как будто можно убежать от всадника посреди улицы...

Я поморщился, глупая смерть, сказал властно:

– Бобик! Даже не смотри. Не наше дело. Наша хата с краю, у нас свое дело, свое задание. Если вмешиваться везде и во все, что встретим по дороге...

Из-под крыши одного дома вырвался черный дым, а затем и пламя. Один из всадников заметил меня, крикнул что-то другим. Все повернули головы, я посматривал на них краем глаза, ибо повернуться и посмотреть в упор – значит бросить вызов. Нас еще в школе предупреждали не смотреть гориллам в глаза, а то явятся и бросаются на прутья решетки.

Донесся окрик, я сделал вид, что не слышу, тогда один из всадников, самый крупный на огромном коне, поднял его на дыбы, развернул и, опустив на землю, погнал в мою сторону. В его руке появилось длинное копьё, вроде бы неуместное для простого грабежа деревни, острие нацелено в мою сторону.

– Бобик, – велел я строго, – сидеть!.. Не вмешиваться.

Всадник понукал коня, переводя в стремительный галоп, то ли желал показать удаль и крепость руки на более серьезном противнике, то ли надо убрать свидетеля. Я напрягся, противник в легких, но в хорошо прилаженных доспехах, несется уже, как вихрь, острый конец копья опускается... остановился на уровне моего лица...

Ну, сволочь, я даже без шлема, что он думает, гад... Похоже, в этих землях рыцарством и не пахнет.

Я вытащил из ножен меч и повернул Зайчика навстречу. Грохот копыт нарастает, верзила несется с мощью курьерского поезда. Я в последний миг пригнулся, резко выбросив руку с мечом в сторону. Ее дернуло, мимо пронеслось грохочущее, едва не вырвав кости из плечевого сустава. Стук копыт отдалился и затих, только громко заржал чужой конь.

Я оглянулся, всадник раскачивался в седле, копьё вывалилось из руки, а следом свалился сам. На железном боку борозда, словно панцирь вскрыли грубым консервным ножом, задев плоть: кровь льется все сильнее. Даже у коня на шее кровавая царапина.

Остальные, увидев, что стряслось с их дружкой, заорали, повернули коней. Холод прошел по телу, их пятеро, нет, шестеро, все опустили копыта, наколют, как жука на булавку...

– А вот хрен вам, – буркнул я зло.

Меч быстрее в ножны, дрожащие пальцы ухватили лук. Звонко ударила тетива, еще и еще раз. Два седла опустели, а третий всадник склонился на конскую гриву и выронил копьё. Я торопливо выпустил еще две, уклонился от копья последнего уцелевшего, выхватил меч и повернулся к нему лицом.

Тот остановил коня, развернул, я ждал, что пустится в бегство, однако он отшвырнул копьё, выхватил меч и с криком пустил коня вскачь в мою сторону. Я видел перекошенное яростью лицо, пену на губах, дрогнул, со взбешенными сражаться страшно, но собрался с духом и принял первый удар на щит, как второй и третий.

Удары наносились, несмотря на скорость, тяжелые и такие мощные, что рука быстро начала неметь. Я собрался с духом, мой угрожающе поднятый меч враг игнорирует, нанес первый удар, целясь в шлем. Враг легко уклонился, лезвие высекло искры из стального плеча.

Я принял еще пару ударов на щит, сам начал наносить удары, стараясь найти слабое место. Противник оказался не слабее меня, настоящий гигант, но явно переоценил свои удары, быстро начал выдыхаться.

Вдруг я увидел сразу трех одинаковых всадников, оцепенел, заставил Зайчика попятиться. Они все надвигаются с трех сторон, я поспешно сказал себе, что это один человек, вертел головой, стараясь понять, кто из них из плоти, и тут заметил вокруг двух едва-едва мерцающую оболочку.

Третий перевел дыхание, начал приближаться уже неспешно, я поднял щит и меч, готовясь принять удары фантомов, он заехал сбоку и вскинул меч. Я резко изменил движение удара, лезвие меча направилось по косой, удар пришел прямо в решетку забрала. К моему потрясению, лезвие не рассекло тонкую сетку, но я услышал глухой вскрик, всадник содрогнулся всем телом, выпрямился и начал заваливаться на конский круп.

Фантомы задрожали и стали расплываться. Решетка воина-колдуна от тяжелого удара вогнулась, окрасилась кровью. Он пытался удержаться в седле, я ударил в голову краем щита. Раздался мощный звон, словно молотобоец обрушил молот на лист железа, всадник начал сползать с коня.

Я с силой толкнул в плечо. Он рухнул, безуспешно хватаясь за конскую гриву. Я соскочил на землю и уже там добавил ногами в голову. Наконец он оставил попытки встать и рухнул на спину, раскинув руки. От фантомов остались грязные клочья тумана, их растрепывал и размывал легкий ветерок.

От горящей деревни примчался подросток. Испуганные глаза уставились на поверженных, затем с еще большим испугом на меня.

– Спасибо вам, благородный лорд... Они хотели убить нас всех!

– Что за дурость, – сказал я. – А кто же будет платить налоги? Ты знаешь их?

– Да, сэр. Это люди графа Винсена Касселя, а это сам Митчел, сын графа Касселя.

– Зачем они это сделали?

Подросток нервно сглотнул слюну.

– Наш хозяин, герцог Готфрид, уехал на Север, там будет турнир, а граф Кассель пытается захватить его замок и все его богатства.

– Вот оно что, – протянул я. – Хорошо, беги и быстро принеси крепких веревок. Или ремней. Надо связать этого кабана. И еще... скажи всем поселянам, что пусть из замка хозяева пришлют хоть какую-то охрану!

Он унесся, как тушканчик, вскоре явился с тремя крепкими поселянами, один забрызган кровью, на груди широкая царапина. Я велел им связать покрепче этого пленного кабана, он очнулся, спросил угрюмо:

– Ты знаешь, кто мой отец?

Я спросил с интересом:

– А ты сам знаешь?

Он спросил туповато:

– Ты кто? Ты в самом деле не знаешь, чей я сын?

– Я даже знаю, кто твоя мать, – ответил я любезно.

Он попробовал встать, я взял молот и, не бросая, шарахнул по железной голове. Раздался могучий звон, как будто я ударил в добротный церковный колокол. Одного звука достаточно, чтобы оглушить на неделю, но железный болван еще постоял пару мгновений, затем колени подломились, он рухнул мне под ноги.

Поселяне туго связали пленника, я хотел было потащить на веревке, как ковбой плененного шерифа, потом решил, что эффектнее будет привезти его, как забитого оленя, на конском крупе. Это сразу покажет, кто есть кто: мало где отыщется второй конь, что с легкостью идет под весом двух крупных рыцарей в полных доспехах.

Крестьяне наблюдали за мной с испугом и надеждой. Я сделал широкий жест:

– Я, благородный барон де Амальфи, рыцарь и все такое, изволю отдать вам всех коней этих негодяев! Проверьте их карманы, пояса, седла. Найденные деньги и ценности передайте тем, кто пострадал от этих мерзавцев.

Они провожали меня ошарашенным молчанием и тогда, когда отъехал на полсотни шагов, начали выкрикивать благодарности.

Глава 3

Приближаясь к крепости, я оценил и могучие надвратные, и машикули, а над воротами широкий помост, где могут разместиться с полсотни воинов. Плохо будет тем, кто попытается разбить ворота хоть топорами, хоть тараном, но я один, не считая груза за спиной, еду медленно, потому сверху на меня только смотрели, не выказывая враждебности. Я подъехал ближе, вытащил рог и кое-как протрубил, стараясь, чтобы звук получался если и неправильный, то хотя бы громкий.

Наверху прозвучал голос:

– Кто у ворот?

– Ричард Длинные Руки, – ответил я громко. – Тот самый, знаете? Кстати, с вестью о герцоге Готфриде.

На воротах заговорили, наконец тот же голос спросил подозрительно:

– А что это за собака?

– Моя собачка, – ответил я нетерпеливо. – А мышей, случаем, не боитесь?

– То мышей, – прозвучал голос, – а то этот пес... Больно он похож на тех, которые в древние времена... Ладно, щас откроем, но вы, господин, своего пса держите крепче.

– Мухи не обидит, – заверил я.

Послышался топот, могучие створки ворот дрогнули и приоткрылись. Я вдвинулся в щель, Пес вскочил первым. Раздались испуганные вопли, ворота за моей спиной закрыли с превеликой поспешностью, загрохали массивные железные засовы. Перед нами открылся вымощенный серой брусчаткой двор, невероятно просторный, настоящая городская площадь, сдизайнеренная для царских парадов. По ту сторону каменной пустыни еще две такие же башни по углам, настоящий четырехугольник из башен, соединенный высокой и толстой стеной. Из ближайшей к нам башни выскочило несколько человек, все бегут в нашу сторону, кто-то вопит, призывая старших, другие тут же оцепили нас в боязливом молчании широким кругом.

Пятеро стражей врат окружили меня с выставленными в мою сторону пиками. Подошел старший, крепкий и настолько широкий, что выглядит почти низкорослым. Доспехи, не самые новые и не блестящие, подогнаны с тщательностью и умением профессионала, которому служат не для парадов. Суровое обветренное лицо, пронзительно голубые глаза, полные недоверия, широкий подбородок и твердый рот – если это не начальник стражи, то я все еще не отличу коня от мула.

Он обошел Пса, стараясь не выказывать перед ним страха, прямой взгляд устремлен мне в лицо.

– Мартин Беар, – назвалса он, – начальник стражи. Сейчас выйдет кастелян... Господи, кто это у вас?

– Пленник, – ответил я лаконично. – С другими шалопаями разорял вашу деревню. Видите дым? Это горит окраинный дом... Криворукие, никак не загасят.

Подходили еще люди, все рассматривали с боязливым интересом не столько меня, сколько пленника. Мартина, отметил я, называют без приставки «сэр», значит, правая рука Блэкгарда не имеет рыцарского звания. Видимо, как часто бывает, в оруженосцы герцог взял лучшего из молодых крепких слуг, тот прошел все обучение, сражался бок о бок с хозяином, но звания так и не был удостоен, как обязательно случилось бы с дворянским сыном.

Из башни, что явно служит донжоном, наконец вышел приземистый человек в богатой одежде, с ним две женщины в ярких платьях.

Ничто так не маскирует людей, как лицо, мелькнуло у меня, когда взглянул на старшую, даму лет сорока, рослую, с вытянутым аристократическим лицом, абсолютно непроницаемым, как у фараона на троне. Можно не говорить, кто она такая, жену герцога можно узнать сразу.

Она чем-то напоминает герцога Готфрида, совместное проживание делает супругов похожими даже внешне. Вторая, ростом пониже, помоложе и поживее, сразу же стрельнула в меня игривыми глазками, просто так, по привычке, рефлекс настоящей женщины.

Пес сидит на толстой заднице, неподвижный и спокойный, как медведь, обе дамы на него покосились, но решили, что главное все-таки я, устремили на меня требовательный и кокетливый взоры.

Я поклонился, не покидая седла.

– Ричард Длинные Руки, мадам.

Человек в богатой одежде, видимо, и есть обещанный кастелян, долго всматривался в меня острыми, колючими глазами, я надменно и благородно смотрел на него с высоты седла. У кастеляна лысая голова на тонкой шее, хотя точно насчет шеи не скажу, пышный воротник упирается с обеих сторон, оставляя только подбородок и горло с кадыком, размером с орех, и вздутые вены по бокам. Дальше поднятый воротник широким полумесяцем закрывает затылок, но по бокам расходится в стороны, открывая большие, как у Каренина, мясистые уши.

Лицо морщинистое, губы собраны в жемок, будто ни единого зуба, под глазами мешки в три ряда и сеть крупных и мелких морщин. Единственное, где я их не увидел, это на лбу, высоком и широком, как у Сократа.

– Герцогиня Изабелла, – сказал он наконец неожиданно властным, буквально державным голосом, – Изабелла Брабантская... леди Бабетта...

Леди Изабелла, все верно, жена герцога, в строгом темном с красным платье, что опускается до пола, широкий воротник закрывает шею. И хотя ухитряется смотреть свысока даже на всадника, а для этого надо запрокидывать голову, в то же время благодаря слегка выступающему вперед лбу создается впечатление, что смотрит исподлобья, а густые черные брови, что расходятся к вискам и приподнимаются, как крылья хищной птицы, усиливают впечатление.

Лицо породистое, значит – сильная и волевая женщина, стойкая и цепкая, что умеет выбрать главную цель и двигаться к ней, не отвлекаясь на дешевые развлечения, сладострастия, чревоугодия и прочие слабости. У таких женщин не бывает слабостей, это я ощутил с дрожью вдоль спинного хребта, встретившись с нею взглядом.

Белая атласная кожа видна в неглубоком вырезе клинышком, на шее тонкая цепочка с небольшим камешком, то ли амулет, то ли драгоценность, никогда не научусь в них разбираться.

Она вперила в меня требовательный взгляд, но произнесла ровным протокольным голосом:

– Мне сказали, что у вас вести о... моем муже?

Отвечать даме с высоты седла – все равно что сидя, я поспешно соскочил, с удовольствием чувствуя под подошвами твердь каменных плит, еще раз поклонился, это редко когда бывает лишним.

– С ним все в порядке, мадам. Вы не спрашиваете, что случилось с деревней прямо у вас перед замком?

В ее глазах ничего не промелькнуло, она все так же холодно и бесстрастно смотрит мне в лицо, только леди Бабетта сочувственно вздохнула. Пес посмотрел в ее сторону внимательно, она вздрогнула, заискивающе улыбнулась ему, а потом, обещающе, мне.

Герцогиня сказала почти так же бесстрастно:

– У нас осталось не так уж и много неразоренных деревень, сэра...

– ...Ричард Длинные Руки, – подсказал я.

– Сэр Ричард. Если бы муж был здесь, наши недоброжелатели не осмелились бы... Вы ехали... там?

Я разрезал веревку, железное тело с грохотом обрушилось с коня на каменную поверхность двора. Стражники отпрыгнули, чтобы не придавило ноги. Тяжелое тело раскинулось во

весь рост на каменных плитах. Захваченный в самом деле огромен, мелькнуло у меня. Здоровенного кабана я завалил. Чему-то научился в этом мире.

– Это один из тех, – объяснил я, – кто развлекался в вашей деревне. Остальные шестеро остались там...

На меня все смотрели недоверчиво, только леди Бабетта улыбнулась поощрительно и повела плечом, чтобы оголить его больше и показать, какая у нее чудная нежная кожа. Кастелян кашлянул и сказал осторожно:

– А остальные не воспротивились, что вы... их товарища...

– Нет, – ответил я любезно, – не воспротивились. Сейчас их, наверное, уже вороны клюют. А это мой пленник.

Гробовое молчание, кастелян охнул, кто-то воскликнул:

– Сэр... вас прислал сам Господь Бог!

– Возможно, – согласился я. – Его пути неисповедимы, верно?

– Кто вы, сэр?

– Ричард Длинные Руки, – повторил я медленно. После рассчитанной паузы добавил таким же ровным, бесстрастным голосом: – Сын герцога Готфрида Валленштейна. Незаконно-рожденный, позвольте похвастаться.

Пока герцогиня и кастелян являли немую сцену, в то время как глаза леди Бабетты вспыхнули неистовым любопытством, Мартин и его люди содрали с металлическим скрежетом помятый шлем с пленника. Молодой, широкомордый, шрамы на скуле, щеке, подбородке, даже левую бровь рассекает белая впадинка. Волосы слиплись от крови, тонкая струйка медленно стекает по лбу.

Голова еще болтается из стороны в сторону, но пришел в себя, злобные глаза зыркнули из-под густых бровей, разом обвел взглядом столпившихся вокруг воинов. Хозяюку замка проигнорировал, наконец уперся взглядом, как наконечником копья, в меня.

– Что за тварь...

Я с силой ударил его ногой в зубы. Булатная пластинка, предохраняющая носок сапога, легко разбила губы, кровь брызнула во все стороны. Голова графского сынка дернулась так, будто конь саданул обоими копытами.

– Следи за языком, – посоветовал я холодно. – Ты – пленник. Мне выкуп не очень-то и нужен, запомнил? Может быть, больше получу удовольствия, когда сдеру шкуру, набью соломой и поставлю мишенью для стрелков.

Он умолк, смотрел налитыми кровью глазами. Разбитые губы стали как олады. Я повернулся к леди Изабелле.

– Найдется достаточно глубокий подвал с крепкой дверью? Мне нужно где-то подержать пленника. Конечно, я могу и сразу повесить...

В толпе ахнули, женщина вскрикнула:

– Нет-нет, только не в моем замке!.. Мартин, распорядись.

Я сказал предостерегающе:

– Учтите, он знаком с чарами. Во всяком случае, со мной пытался.

Мартин хмуро посмотрел в сторону кастеляна, тот царственно повел дланью, пленника подхватили, увели, предварительно проверив веревку на руках и подтянув там, где ослабела.

Герцогиня вновь обрела царственный вид, выпрямилась, сказала голосом владетельной особы:

– Сэр Ричард... У вас новости о моем муже?.. Позвольте предложить вам комнату, где сложите вещи, отряхнете одежду. Обед скоро, вас позовут... Джулиан, распорядись.

Она смотрела ровно и бесстрастно, сделав вид, что вовсе не слышала моих возмутительных слов о моем родстве с ее мужем, а если и слышала, то все равно не слышала. Джулиан,

кастелян, величественно хлопнул в ладоши и требовательно посмотрел по сторонам. Из толпы поспешно вышел один, поклонился.

Я сказал громко:

– Моего коня поставить от других отдельно! А то местные могут начать задиаться, а он хоть и вежливый, словно монах-бенедиктинец, но может в конце концов обидеться... Благодарю вас, леди Изабелла, мне в самом деле не терпится смыть пыль, грязь и слюни ваших нерасторопных соседей...

Я не успел отвесить церемонный поклон, на стене закричали. Один на верху ворот повернулся и, отбежав к ступенькам, скатился почти кубарем. Леди Изабелла замерла, лицо сразу побледнело и напряглось, а стражник, низкорослый воин в кожаных доспехах, подбежал к нам, упал на одно колено и прокричал тонким сорванным голосом:

– Леди Изабелла! Чужаки с оружием бегут к воротам!..

Леди Изабелла не успела открыть рот, у меня вырвалось, как будто я всю жизнь защищал не только свой Амальфи, но и чужие замки:

– Лучники – наверх!.. Всадники – охраняют ворота внизу, женщины – носят камни на стену.

Воин смотрел на меня ошалело, я повернулся и бросился к стене. Во дворе сразу началась бестолковая сутолока, все бегает с криками, нападение явно застало врасплох, это и понятно, замок выглядит таким укрепленным, что будь здесь герцог с дружиной, никто не посмел бы и приблизиться...

По ту сторону стены распахнулся захватывающий дух простор. Вдали около сотни человек неторопливо идут на конях к замку, но совсем близко к воротам несутся во весь опор, вздымая желтую пыль, десятка два закованных в железо конников. Еще человек тридцать с топорами в руках уже подбежали к воротам. Пятеро из них, оставив оружие, взяли за луки и начали стрелять вверх. Пара стрел пронеслась в небо близко от камня, за которым стоял я, одна слабо чиркнула металлическим клювом и, совершив петлю, пошла вниз.

Я сдернул лук и начал быстро-быстро выхватывать стрелы. Еще пока ехал сюда, упражнялся в скорости, тот мужик в гостинице не подвел, если я натягиваю тетиву до отказа – стрела расщепляет средних размеров дуб и раскалывает валун, но для меня главное, что могу стрелять в некоем трансе, когда руки двигаются с сумасшедшей скоростью.

Мужики справа и слева смотрели с открытыми ртами, я глазами указал вниз, туда смотрите, они посмотрели и тут же повернулись ко мне с еще большим почтением в вытаращенных глазах и даже суеверным ужасом.

Я выхватывал стрелы, накладывал на тетиву и, рывком оттянув, тут же отпускал, глазами выбирая цель, а внизу дикий панический крик, стрелы сеют опустошение, словно град Божий. Из тридцати нападавших осталась половина, прежде чем там сообразили, что ворота прорубить не успеют, некоторые попятились, двое-трое еще упрямо продолжали взмахивать топорами.

– Господи помилуй! – вырвалось у мужика справа от меня.

– А вот не помилую, – ответил я сквозь зубы.

– Богохульник, – сказал мужик с удовольствием.

– Мне дано от Бога право, – сурово ответил я, – судить и миловать... Спрячь голову, дурак!

Трое у ворот легли, остальных я без жалости расстреливал в спины. Всадники начали придерживать коней, но когда увидели, как гибнут их кнехты, заорали, выхватили топоры. Копыта грозно и мощно стучали по дороге, солнце сверкает на доспехах, мы на стене поневоле начали щуриться и прикрывать глаза ладонями.

– Они в панцирях, – сказал кто-то с тревогой. – Братцы, камнями их!

– Хорошо, – одобрил я. – Но бросайте прицельно, камни тоже денег стоят.

Передний из всадников достиг ворот, я услышал тяжелый удар боевого топора, которым раскалывают рыцарские шлемы и кирасы. Толстые дубовые доски загудели.

Перегнувшись, я пустил ему стрелу в темечко, а затем быстро-быстро осыпал стрелами остальных. Получилось хуже: цель стреле указываю взглядом, но если с кнехтами все просто – там лишь бы попасть, то здесь нужно высматривать щели между пластинами панциря. К счастью, усиленный геммами лук Арианта пробивает и панцири, только в двух случаях я поспешил выпустить стрелу, не оттянув как следует тетиву, и всадники лишь содрогнулись, один тут же ухватил стрелу и выдернул, вскинул над головой, потряс, роняя красные капли на роскошный султан на шлеме.

На стене перестали ахать при каждом удачном попадании, я при благоговейном молчании выпустил последние три стрелы, и три всадника, что уже повернули коней и скакали во всю мочь прочь от замка, свалились с коней.

– Быстро собрать коней! – велел я. – Обшарить карманы убитых!.. Все, что соберете, – ваше.

Они сыпанули со стены, как горох, на ступенях образовалась давка. Я боялся, что от жадности начнут сигать прямо со стены, но обошлось, через пару минут ворота распахнулись, наружу выметнулись не только те, кто был на стене, но и всадники, в мрачном молчании ждавшие схватки по эту сторону ворот.

Я медленно спустился во двор, лук уже за спиной, ладонями отряхнул пыль с локтей. Пес бросился мне на грудь, коричневые глаза смотрят вопросительно: не нужно ли ему вмешаться? Не нужно, ответил я взглядом. Отдыхай, не пугай местный народец.

Слуги испуганно пятились, кланялись и снова пятились. Я оглянулся, леди Изабелла и ее подруга уже ушли, не женское дело охранять ворота, ко мне подбежали воины, в глазах почтение и готовность повиноваться.

– Маловато камней, – сказал я жестко. – А если бы нападающих было втрое больше? Или с тараном?

Все молчали, слуги отступили, наконец один сказал угрюмо:

– Ваша милость, семьсот лет ни один не подступал к воротам!

– Тем больше слухов о здешних богатствах, – отрезал я. – Ладно, куда поместили моего пленника?

– Я покажу, ваша милость, – поспешно сказал один из слуг. – Мы его в самый надежный подвал...

Я оглянулся.

– А где это... Мартин Беар?

– Мартин? Он вывел отряд за ворота, осматривает убитых.

– Пусть потом доложит о результатах, – распорядился я. – А теперь води в ваши темницы! Надеюсь, там крепкие решетки?

– Крепкие, ваша милость, – заверил слуга подобострастно.

– А двери?

– Железные!

– Хорошо, – повторил я. – Нечисть почему-то и железа боится.

Глава 4

Пес пошел следом, я оставил его у дверей во дворе, а со слугой пошли вниз по стертым каменным ступенькам. Опускаться пришлось недолго, я удивился, что у герцога с подземными темницами негусто, всего пять выдолбленных в скальном грунте каменных мешков, достаточно просторных, чтобы узник мог даже поразмяться, шагая от стены к стене. Не похоже на злобного тирана. Впрочем, герцог человек решительный, к садизму не склонен, он явно предпочитал без долгих разговоров простолюдинов в петлю, а благородных – на плаху. Явная экономия на судебных издержках, тюремщиках и оплате каменщиков по обустройству и расширению новых камер.

Слуга погремел ключами, дверь распахнулась в темноту подвала. Слуга посветил факелом, в каменном мешке размером с просторный клозет, на охапке соломы разлегся прикованный к стене крупный мужчина. Доспехи уже содрали, оставив ярко-синий кафтан и коричневые штаны, даже сапоги сняли, чтобы проще было приковать к стене железными цепями.

Он прищурился, прикрыл ладонью глаза от яркого света.

– Чего?..

– Великолепно, – восхитился я. – Спасибо, что не выгнал сразу. Апартаменты у тебя как раз по тебе. Вот что, мужик. Кто ты и что ты, уже знаю. Сейчас вот думаю, что с тобой делать...

Я сделал паузу, рассматривая его, как мясник толстую свинью, он сказал чуть быстрее, чем следовало бы бесстрашному человеку:

– Назначайте выкуп. Если мой отец сможет...

– Сможет, – ответил я недобро. – Я ему начну присылать через день сперва правое ухо, потом левое, затем мизинцы с обеих рук...

Он чуть побледнел, смотрел исподлюбя.

– Без пальцев я не смогу держать меч.

– И что?

– Тогда я не воин, выкуп снизится. Если вообще такого стоит выкупать.

Я сдвинул плечами.

– Пока что ты единственный наследник? А внуков отцу можешь обеспечить даже без обеих рук... которые тоже потеряешь, если отец быстро не соберет выкуп. Впрочем, я еще не решил насчет выкупа. Зачем мне выкуп? Я, в отличие от здешнего герцога, человек не бедный.

Он смотрел все так же неотрывно, в глазах затеплилась надежда.

– Тогда стоит ли вступать в эти дела? У Касселей с герцогом давние счеты. Он у нас четверых из родни убил, семь деревень разорил!.. Малолетнего племянника повесил в лесу и устроил из него мишень для стрелков!

Я смолчал, на герцога это похоже, но дело в том, что зверств герцога не видел, а вот деревню этот герой со своей командой жгли на моих глазах, убивали беззащитных крестьян. Я хоть и попытался проехать мимо, но молодую женщину насиловали слишком близко к дороге, и моя ярость не ушла, лишь затаилась, как кипящая лава под толстой коричневой коркой. Со зверьем не просто можно, а нужно по-звериному. Любой другой язык понимают как признак слабости.

– По ту сторону ворот три десятка трупов, – сообщил я. – Люди Винсена Касселя, как мне доложили. То есть твои люди. Или твоего папочки. Сейчас их вороны клюют с большим удовольствием. Здесь быстрые такие вороны, приученные. Сразу слетелись! Думаю, если тебя вышвырнуть, мигом растащат по косточкам. Не вороны, а волки с крыльями... Одного не пойму, это что, тебе на выручку явились так быстро?

Он помрачнел, глаза подозрительно зыркнули из-под выступающих, как у питекантропа, надбровных дуг.

– Был приступ?

– Да, – ответил я с удовольствием. – Только один пострадал... из защитников. Камень на ногу уронил, дурило. Зато из нападавших ни один не уполз. Работаем чисто!.. Вообще стараемся быть элегантными. Так в чем дело?.. Ты как-то сумел сообщить?.. Хотя все равно не успели бы... Замок Касселя, как мне сказали, отсюда далековато. И вроде бы совсем в другой стороне, хотя я этого что-то не понял.

Он оскалил крупные желтые зубы.

– У моего отца много людей!

– И все толпились в замке? – усомнился я. – Так вот и спали в полных доспехах и при оружии? Говори правду.

Я вытащил меч и упер острием ему в грудь. Он бесстрашно усмехнулся.

– Выкуп за мертвого не получишь.

– Зачем мне ваши копейки, – ответил я. – Вдруг я садист? Удовольствие стоит дороже.

Опустил меч, выбрал удобную точку на развилке, снова упер меч и легонько нажал. Острие, пропоров ткань, вошло в мягкое. Пленник дико заорал.

Я поинтересовался:

– А верно, что в ногах правды нет, она где-то между?

Он выкрикнул с мукой:

– Будь ты проклят!.. Ты же рыцарь! И я рыцарь! Что тебе, как обращались с быдлом? Ну сожгли те лачуги земляных червей... Скажи сколько, заплатим за ущерб!

Я пожал плечами, нажал снова. Он заорал, начал извиваться, пытаясь спасти гениталии от острого железа.

– Кто бы ни был человек, – сообщил я, – он может сказать лишь две вещи: правду и ложь. Ну, что скажешь? Можешь молчать, так даже интереснее, узнаешь, как жить кастратом...

– Хорошо, хорошо! – закричал он. – Я все расскажу! Только что это изменит? Да, мы давно готовились. Как только узнали, что герцог отбыл на турнир, сразу же начали собирать людей. Выехали на простор, переговорили со степными варварами, наняли самых крепких... Если бы знали заранее, что он уедет, то захватили бы замок за пару следующих после его отъезда дней. А так, ты прав, пока созвали всех, прошло много времени. Сегодня решили нанести удар... По дороге мой отряд решил малость повеселиться в деревне герцога. А тут ты, будь ты проклят, едешь мимо, такой гордый и блестящий на огромном коне, которым каждый хотел бы завладеть...

Я убрал меч, из распоротой штанины просочилась пара капель крови. Пленник обеими руками зажимал рану, бледный, разом исхудавший, с темными кругами под глазами, откуда так мгновенно появились, поникший, как под дождем лопух.

– Ладно, – сказал я как можно более жестко, – жди!

Он крикнул мне в спину:

– Чего ждать?

– Что моя левая нога решит, – ответил я уже со ступеней. – Знаешь, ты хоть и был в доспехах, но я никак не могу заставить себя обходиться с тобой, как с рыцарем. Как только вспомню, как вы деревню жгли и баб насиловали... Я хоть и не демократ, но все-таки... Так что ты теперь всего лишь военный преступник.

Он остался с раскрытым ртом, страж долго гремел засовами и ключами, запирая железную дверь.

Жаркое солнце напрыгнуло при выходе из подвала, разом сладко обожгло плечи и голову. Двор необъятно широк, однако народ жмется к стенам, перебегает там. Словно под артобстрелом, хотя огромный черный Пес сидит, как изваяние из темного металла, и, не обращая внимания на людишек, неотрывно смотрит на выход из подвала, терпеливо ждет возвращения хозяина.

Он ринулся ко мне, счастливый и ликующий, накопивший за тысячи лет столько любви и нежности к человеку, что никак не удастся выплеснуть хотя бы часть, все время накапливается и любовь, и преданность, и верность.

– И я тебя люблю, – ответил я, – правда люблю... ну как тебя не любить, такое чудо...

Народ смотрит в ужасе, но к вечеру большинство привыкнет, для того и целуюсь на виду, треплю по загривку и хватаю за уши, пусть видят, что это просто большой пес. Всего лишь чуточку крупнее обычных собак.

Солнце жжет плечи, я сощурился, как китаец, и в удивлении посмотрел на небо. Вот он, Юг: солнце сползает по раскаленному своду, как яичный желток, а все еще жжет, будто в полдень. Когда коснулось крепостной стены, красное, огромное, распухшее, на мгновение почудилось, что Земля теряет атмосферу, а Солнце уже наполовину выгорело, размером с Юпитер, видимый с Ганимеда, воздух какой-то не совсем прозрачный, во дворе посерело, потом сообразил, что из-за высоких стен здесь как в колодце, пусть и просторном, солнце видишь только в полдень.

От сторожевой башни в мою сторону направился тот самый здоровяк, что поперек себя шире, Мартин Беар, начальник замковой стражи, отсалютовал, сказал хриплым голосом опытного ветерана:

– Собраны все доспехи, милорд, оружие!.. Двенадцать хороших коней, двое так вообще огонь, цены им нет. Что прикажете дальше?

Я помолчал чуть, определяясь с ответом. Лицо Мартина, некрасивое и неправильное, в то же время яснее ясного говорит о крутом, но честном нраве, квадратная челюсть выдает силу и твердость характера, а прямой взгляд пронзительно голубых глаз из-под насупленных бровей сообщает, что их хозяин не умеет льстить и подлаживаться, но свое слово держит, службу знает, в спину не ударит, честь и верность у таких вот в крови.

– Здесь, – ответил я после паузы, – как я понял, распоряжается леди Изабелла. Я же только гость.

Он взглянул коротко, опустил взгляд, чтобы я не догадался, что он думает о ситуации, сказал с некоторой совсем не нарочитой нерешительностью:

– Я слышал, что вы, ваша милость...

– Ну-ну?

Он произнес совсем негромко, словно стесняясь:

– Сын нашего хозяина...

– Незаконнорожденный, – сказал я громко. – Это значит, у меня прав никаких. Могу распоряжаться только своим конем.

Пес подбежал и сел рядом, в коричневых глазах обида. Я потрепал по огромной голове, шепнул, что и я его люблю, он у меня вообще замечательный.

Мартин покачал головой, в глубоко запавших глазах явное недоверие. Крепко замешанный и круто сваренный, битый жизнью, бывалый, много повидавший, мелкие морщинки у глаз и глубокие на щеках и у рта, от всей фигуры веет мужеством и силой, простой и бесхитростный, однако не дурак, такого вокруг пальца обвести непросто.

– Милорд, – произнес он почтительно, – меня зовут Мартин по прозвищу Большой Топор. Сейчас я начальник стражи замка. Вообще-то начальник – сэр Блэксгард, но его наш хозяин захватил с собой в Каталаун. Я много странствовал, повидал людей, могу сказать сразу, что вы добыли золотые рыцарские шпоры своими руками, своей силой и отвагой, потому так и блестят на ваших сапогах, как два солнца! Здесь сыновья лордов всегда становятся рыцарями, не важно, что иные только и умеют, что пить да девок на сеновал... Если бы вас Господь не послал так вовремя, то и не знаю... Если и отбились бы, то немало потеряли бы людей. Всем хочется, чтобы вы остались!

Я развел руками.

– К сожалению... или к счастью, у меня дальняя дорога. А сюда заехал только по пути. Так что еще не знаю, задержусь ли дольше, чем на сутки, пока отдохнем после долгого пути и разую дорогу дальше.

Он прямо смотрел мне в глаза.

– Постарайтесь задержаться. Леди Изабелла – гордая женщина. Она полагала, что герцог никогда ей не изменял. Впрочем, он в самом деле женился по любви.

Я сдвинул плечами.

– Это было давно. Наверняка еще до его женитьбы.

– Все равно. Некоторые женщины считают, что мужчины должны были хранить им верность заранее, еще с пеленок.

Он взглянул за мою спину, поморщился. Я оглянулся, из донжона ко мне торопливо спешит, едва не наступая на полы длинного цветного халата, дородный, как генерал в отставке, мажордом.

– Леди Изабелла, – почти выкрикнул он хорошо поставленным трубным голосом, – изволят пригласить вас, сэр Ричард, в главную залу. Позвольте, я проведу вас...

– Позволяю, – ответил я. – Бобик, за мной!

Мажордом замедлил шаг. На лице отразилась нерешительность.

– Милорд, – проговорил он убеждаяще, – с собаками нельзя в главный зал.

– Да? – переспросил я. – Ладно, и эту обиду на общий счет запишем... Бобик, ты пока подожди меня здесь. Займись чем-нибудь... кур погоняй, Зайчика проведай. Не морят ли его здесь голодом? Судя по всему, здесь живут небогато.

Щека мажордома нервно дернулась, но спокойствие и невозмутимость он сохранял королевские, так мы прошли ко входу в северную башню. В обе стороны отпрыгнули слуги, на лицах испуг и замешательство. Я расправил плечи и вошел красиво и надменно, как входит в покоренный город император, хотя сердце трусливо тукает, а в черепе сшибаются десятки мыслей и сотня вариантов, как держаться и что говорить.

Двери распахнулись, я перешагнул порог несколько деревянно, ошалелый величием распахнувшегося роскошного простора. Немалый зал, справа и слева широкие лестницы из белого мрамора, перила толстые, из темного дерева и резные до невозможности. На полу дивной красоты ковер, так это метров двадцать на двадцать, а за ним еще один зал, широкие двери распахнуты в полумрак, оттуда блестит металл, словно под стенами два ряда рыцарских доспехов.

И что самое удивительное, чего нигде ни в одном замке еще не видел: по обе стороны двери в другой зал в деревянных кадках растут высокие не то растения, не то деревья. На стенах картины в золотых рамах, везде битвы и сцены охоты, что и понятно, как будто богатые феодалы что-то умеют еще, на потолке огромная люстра, свет причудливо преломляется в тысячах стекляшек, такой ровный и уверенный, словно электрический, но и не электричество, это видно, хозяин сразу демонстрирует, что магией здесь пользуются открыто.

Мажордом свернул налево, я понял, что наверх мне пока рано, рылом не вышел для хозяйских покоев, не каждый слуга имеет туда допуск, покорно прошел через целую анфиладу залов, роскошных и величественных, сразу же заметил главное отличие от дворцов Барбароссы или Шарлегайла: здесь чувствуется изысканность и недурной вкус. Если у Барбароссы всего лишь роскошь варвара, ограбившего богатых соседей, то здесь единство стиля, словно весь огромный комплекс выстроил один человек с чутьем художника. Или одна команда архитекторов, придерживающихся одного направления.

Залы не богаче, чем у Шарлегайла, но ощущение, что богаче намного. А возможно, и богаче, в том смысле что строение из простого гранита ценится выше, если дворец из мрамора рук Корбюзье строили узбекские гастарбайтеры. Я молча наслаждался, пока шли через залы, ощущение такое, словно разом из раннего Средневековья попал в позднее, а то и вовсе в эпоху барокко и прочей ренессанстности.

Дверь, перед которой мы остановились, тоже выглядит солидно, но не кричаще: коричневая, из старинного мореного дуба, с приколоченной на двери медной пластинкой с изображением крылатого коня. Я не понял, что это значит, но едва мажордом распахнул дверь, с порога осмотрелся, ничего особенного: кровать, стол с длинной лавкой, мощного сложения табурет, похожий на штангиста мирового класса.

– Сейчас принесут воду, – сообщил мажордом, – если хотите сменить одежду... вам дадут новую.

– Спасибо, – ответил я, – с удовольствием смою пот и грязь. Но одежду пока что оставляю свою. Не знаю здешних мод. Вдруг у вас пирсинг обязателен?

Он поклонился, ничуть не удивившись, что я не доверяю копаться в своем дорожном мешке, словно здесь иностранные шпионы бывают каждый день. Возможно, их всех селят в этот номер.

Едва дверь закрылась, я огляделся более внимательно, и хотя скрытых камер не обнаружил, но держаться нужно так, будто подсмотреть могут в любой момент. Сосредоточился, вызвал терморезение, оглядел внимательно помещение. Везде ровная розоватость, лишь в одном углу чуть-чуть темнее, самую малость. Отогнул ковер, так и есть, между гранитными блоками ввиду осадки здания появилась крохотная щель, тянет свежим воздухом.

Я неторопливо и уже умело снимал железо, горка металла в углу росла. Наконец я остался в рубашке, брюках и сапогах, вздохнул свободнее, но все-таки табурет перенес и поставил так, чтобы все время оставаться возле своих доспехов, а меч, молот и лук тоже на расстоянии протянутой руки.

Дверь распахнулась от толчка ногой, толстый как Тартарен слуга, покраснев от напряжения, внес большой таз. Вода колыхается, как растопленное масло. Я выждал, когда опустит на табуретку.

– Мыло здесь не полагается? Ладно, обойдусь конским скребком. Иди.

Слуга поклонился и молча вышел. Я сбросил рубашку, она растопырила рукава и полетела на ложе, как усталое и пропотевшее привидение. Из окошка приятно тянет сквознячок, вспотевшее тело радостно вскинуло руки, чтобы проветрило и в подмышечных впадинах. Ладони погрузились без плеска, пахнет приятно, что-то добавлено, хорошо бы изобрели какой-нибудь грязерастворимый гель...

Дверь открылась, вошла девушка с большим кувшином в руках, взглянула боязливо.

– Тебе чего? – спросил я.

– Милорд, – сказала она, запинаясь, – я... я полить вам воды...

Я кивнул.

– Давай. А спину потереть можешь?

– Как скажете, милорд.

Я наклонился над тазом, тонкая струйка экономно бежала по спине, по шее, затем побежала вдоль хребта вниз. Я дернулся, сказал, распрямляясь:

– Хочешь, чтобы у меня штаны промокли?... Лей на шею!

Она сказала очень смиренно:

– Прошу прощения, ваша милость... У вас такая широкая спина, я промахнулась...

– Больше не промахивайся, – велел я строго. – Потри этой щеткой лопатки... Сильнее три, что ты такая хилая? Еще сильнее!

Она уже тяжело дышала, наконец сказала с досадой:

– У вас не чесотка, милорд?

– Грязь, – ответил я. – Не выношу грязи. А приходится глотать по дорогам. И по хребту потри... Еще, еще, не ленись!.. Распустили вас, как погляжу.

Она терла молча, сопела, наконец любопытство взяло верх, поинтересовалась:

– Милорд к нам надолго?

– Конь отдохнет, поеду дальше, – ответил я.

Она помолчала, спросила вдруг:

– А верно, что вы... сын герцога?

– Не имеет значения, – ответил я с небрежностью сына императора. – Лишь бы не сукин сын. Да и то... Вода кончилась? Зачерпни этой, лей на плечи.

Она сказала рассудительно:

– Ваша милость, зальем полы, у вас плечи больно широкие. Вы давайте сперва одно над тазом, потом другое...

Я послушно сдвигался, она лила и терла щеткой, довольно бестолково, вообще руки слабоваты, словно прислали хилую белошвейку. Да и слишком белые руки, ведь крепкий здоровый загар здесь считается признаком простолюдинства, а благородные люди избегают солнца, словно слизняки.

Она тяжело дышала, скребла, снова спросила:

– Милорд, как вам удалось... одному отогнать столько народу?

– Моя смерть в яйце, – ответил я. – Яйцо в утке, утка в зайце, заец... или заяц, как правильно? Ладно, не важно, лопухий в медведе, топтыгин в хрустальном сундуке, сундук на вершине могучего дуба, дуб на острове Буяне, а остров Буян, что самое интересное, в такой стране, что никогда туда не добраться. Теперь все поняла?

Она поняла больше, чем я ожидал, щетка пошла скрести по мышцам спины с такой силой, что едва не сдирала шкуру, а злой голосок сказал над ухом:

– Милорд, вас, наверное, слишком много били и топтали, что вы стали таким злобным и недоверчивым.

– Милочка, – сказал я, – ты в своем уме? Я просто неболтлив. Суровая мужская неболтливость. Знаешь, давай лучше поговорим о твоих молочных железах. Они такие прелести, что я прямо сейчас готов...

Щетка шлепнулась в таз, обдав брызгами мое лицо. Девушка отстранилась, я не успел сказать и слова, как она пробормотала торопливо:

– Ваша милость, спина у вас блестит, как медная монетка. А спереди вы и сами сумеете... может быть, умыться. Если пробовали такое, конечно.

– Жаль, – сказал я искренне. – Ты хороша, знаешь? Впрочем, тебе это часто говорят, догадываюсь. Такие хитрые глазки и веселая мордочка, что просто чудо!.. Ночью заглянешь?

Она отступила, покачала головой.

– Мне кажется, – сказала она насмешливо, – вас, милорд, вышибут отсюда очень скоро. Никто не поверил в вашу сказку, что вы – сын герцога.

Глава 5

Она исчезла раньше, чем я успел открыть рот. Встревоженный, вытерся чистыми тряпками, оделся, а после недолгого раздумья перебросил через плечо перевязь с мечом, подцепил к поясу молот. Только лук со стрелами, поколебавшись, оставил в углу рядом с грудой доспехов.

Вскоре появился мажордом, склонился в таком полупоклоне, что я и не понял, просит оказать мне честь или же сам оказывает мне великое благодеяние.

– Ну и чё? – поинтересовался я надменно.

– Благородная леди Изабелла, – провозгласил он в пространство, – хозяйка замка и всех владений, приглашает вас на обед... сэр Ричард.

– Ого, – ответил я, – если сейчас обед, а когда же у вас ужин? Одни совы, одни совы...

Он отвесил еще один полупоклон, лицо каменное, но когда заговорил, я ощутил в его гулко-бархатном голосе неодобрение:

– И еще герцогиня Изабелла изволит разрешить, если уж вы так привязаны к своей собаке, взять ее с собой.

– Это не собака, – ответил я надменно, – а Пес!.. И приехал я не на лошади, а на коне. Запомнил?... Лады, пропустите ко мне собаку.

Пес ворвался в комнату, бросился на шею, я расцеловался с ним, затем выдвинул нижнюю челюсть, постарался смотреть тупо и надменно, признак благородного происхождения, когда голубая кровь и белая кость, кивнул Псу, приглашая следовать рядом, пошел, нарочито замедляя шаг, так что мажордом начал оглядываться, притормаживать, а я двигался в ритме «куда хочу, туда и пою», осматривался, в самом деле впечатленный как громадностью, так и убранством.

Однако краешком сознания отметил, что мои слова насчет оскорбления, которое нанижем, а потом все равно одну или с Парижем, до адресата дошли. Герцогиня, поколебавшись, приняла решение, что не может, как говорят наши избранники, не радовать, ибо оно, как говорят те же избранники, знаковое.

Обеденный зал... я сперва решил, что нас с Псом ввели в церковь. Огромное, роскошно украшенное и яркое освещенное помещение, а посреди стол, массивностью похожий на бильярдный, но длиной с дорожку для боулинга. С одного торца кресло с высокой спинкой, справа еще три – отделанные так же богато, но спинки короче, дальше стол тянется неприлично голый... и только с противоположного конца еще одно кресло, простое, спинка тоже простая и укороченная.

На столе пять медных подсвечников, свечи горят ровно, ярко и бездымно.

Одновременно со мной из двери напротив в зал вошли леди Изабелла и леди Бабетта, а следом две молодые девушки, в которых я сразу признал дочерей, похожи так же, как жеребята на коня, а не на корову или овцу. Правда, одна из дочерей показалась слишком уж знакомой, но она смотрела строго и надменно, вскинув подбородок и рассматривая меня как можно свысока, и я скрыл изумление, сделал вид, что вижу впервые, чем, похоже, разочаровал.

От Бабетты пахло солнечным зноем, словно как губка впитала его во дворе. Вся налита солнцем: длинные золотые волосы, что падают без всякого, казалось бы ухода, хотя блестят чистотой и здоровьем, высокий лоб закрывает ровно постриженная челка, это вообще какой-то неведомый шик, еще ни у одной женщины такого не видел, даже сердце застучало чаще, словно знакомую встретил, лицо покрыто легким загаром, губы полные, сочные, как спелая черешня, середина верхней губы задорно приподнята, так что едва Бабетта чуть-чуть улыбнется, ровные зубки сверкают маняще и приглашающе.

Румянец на щеках сильный и здоровый, а по тому, как то появляется, то исчезает, дураку понятно, что косметика ни при чем, все натуральное. Вообще она напомнила ангела с рождественских открыток: чистенькая, пухленькая, с изумительно нежной гладкой кожей, постоянно улыбающаяся, с милым личиком, ямочками на аппетитных щеках. Конечно, повзрослевшего ангела, уже половозрелого, даже очень половозрелого, с мощными вторичными признаками, такие ангелы вроде бы называются гуриями...

Она ослепительно улыбнулась мне изумительно ровными белыми зубками, блестящими, как жемчужины, рот влажный и сочный, не говоря уже о полных чувственных губах, как будто созданных только для того, чтобы их брать в свои твердые мужские губы. От нее неуловимо повеяло эпохой Мэрилин Монро, я женщин того типа видел только на старых фото моей бабушки, тогда в моде были такие вот милые и мягкие, разве что леди Бабетта цветная с головы до ног: даже в пышно взбитых волосах провокационно горит ярко-красная роза. Губы окрашены мощно и настолько ярко, что я то и дело невольно бросал на них взгляды.

Дочери хороши, только одна показалась кроткой овечкой, мило и как-то трусливо улыбнулась еще издали, словно умоляет не бить, а вторая встретила мой взгляд нахальным взором царствующей королевы, на которую пялится смерд.

Мажордом указал мне на кресло, что попроще и на противоположном от тех четверых конце стола. Женщины величаво подплыли к своим местам. Безучастный, как механический робот, лакей заученно выдвинул кресло, а когда леди Изабелла придвинулась к столу, так же механически придвинул, герцогине осталось только опустить зад. С леди Бабеттой и двумя дочками все повторилось, а я сел сам, придвинувши кресло тоже сам, правда обеими руками, а не как это делал в прошлой жизни, одной рукой, захватив стул между ног. Пес опустил зад на пол, став похожим на помесь медведя с хомяком, вопросительно и с нетерпением посматривал на меня, на женщин, в глазах вопрос: когда же начнем жрать?

Леди Изабелла холодно и высокомерно рассматривала меня, а я, скользя по ней взглядом, откровенно оценивал взглядом дочек. Обе похожи между собой, похожи и на мать, у них один только недостаток: великоваты ростом, хотя на меня, конечно, это не распространяется: я выше почти на полголовы. Одна тихая и благонравная, с потупленным взглядом, с тонким благородным лицом, аристократически бледным, вторая по аристократичности облика не уступает, но какой-то прапрадедушка или прапрабабушка проснулись в ней очень уж живые: глаза блестят, красиво вырезанные ноздри подрагивают, дважды бросила на меня ехидные взгляды, когда мать не видела, еще бы чуть – и состроила бы рожу.

– Итак, – произнесла леди Изабелла рассчитанно холодным и ровным голосом, – сэр Ричард, вы оказали, повторяю, огромную услугу. Будь вы просто гостем, мы были бы вам безмерно рады и не задавали бы никаких вопросов. Однако при сложившихся обстоятельствах... мы вынуждены кое-чем поинтересоваться. Но сперва позвольте представить моих дочерей: леди Даниэllu и леди Дженифер.

Она не назвала их моими сестрами, плохой знак, но я держал лицо таким же непроницаемо вежливым, склонил голову ровно настолько, насколько требовалось.

– Леди Даниэлла... Леди Дженифер... мое почтение.

Даниэлла улыбнулась кротко и беззащитно, в ее взгляде я прочел, что именно о таком брате она и мечтала, а Дженифер показала в улыбке острые зубки, будто готовилась тяпнуть за палец.

Я еще раз поклонился, сел и повернулся к хозяйке.

– Слушаю вас, леди Изабелла.

За столом притихли, смотрят в тарелки, только Даниэлла, как мне показалось, взглянула в мою сторону с сочувствием и тут же уронила взгляд. Да еще Бабетта томно повела глазами и глубоко-глубоко вздохнула, отчего высокая грудь едва не выпрыгнула из корсажа. Я все заме-

тил, она тоже заметила, что я заметил, довольная улыбка скользнула по сочным сенсуальным, даже сексуальным губам.

Все мы в свое время интересуемся языком жестов и поз, которые непроизвольно принимает человек и тем самым порой выдает себя так, как не выдал бы и в подвалах инквизиции. Еще больше интересуемся в определенном возрасте расшифровкой поз женщин. Я смотрел на леди Изабеллу, леди Бабетту, Дженифер и Даниэллу, в памяти сразу всплыло:

Спина прямая, плечи раздвинуты, подбородок слегка приподнят – пунктуальная, дотошная, педантичная, хорошо воспитанная, привыкла к управлению.

Спина прямая, плечи развернуты, подбородок чуть опущен, так что взгляд малость исподлобья, – любящая интриги, обладает бурной энергией, обожает нравиться, честолюбивая, карьеристка.

Спина без фиксации, то есть обладатель ее не сидит, будто кол проглотил, взгляд слегка затуманен – обладает богатым воображением, артистична, мечтательна.

Спина горбиком, плечи сведены, голова опущена – робкая, нервная, пасующая перед жизненными трудностями.

Собственно, что леди Изабелла привыкла к управлению, можно понять, едва взглянув на ее волевое лицо. Да и то, что леди Бабетта обожает нравиться, видно с первого взгляда: сразу же послала мне такой взгляд, что я увидел ее голой. Вот только на Дженифер трудно подумать, что такая уж мечтательница, в моей комнате терла мне спину довольно умело. Ну, бледная и виновато улыбающаяся Даниэлла – подтверждение абсолютной точности учебника по истолкованию женских поз.

– Почему вы решили, – произнесла Изабелла наконец размеренно и холодно, хотя мне почудилось, будто легкая краска окрасила ее щеки, – что вы – сын герцога Готфрида Валленштейна?

Я снял с пальца перстень и взглядом указал на него слуге. Тот, молчаливый и почти неслышный, почтительно взял и отнес леди Изабелле. Она некоторое время всматривалась, дочери тоже вытянули шеи. Красивые шеи, изящные и в нужных пропорциях. Даниэлла снова посмотрела на меня с сочувствием и уже с братской любовью.

– Это перстень моего мужа, – произнесла герцогиня ровным голосом. – Как он попал к вам?

– Мы встретились на турнире в Каталауне, – объяснил я. – Первый раз герцог туда приезжал ровно двадцать пять лет назад. Он взял на ложе молоденькую и самую красивую девушку из ближайшего села. Если хотите, переспросите короля Барбароссу, подтвердит. Не при муже, конечно. Через девять месяцев у нее, как вы догадываетесь, родился сын – богатырь, красавец и умница. Это я о себе, если вы еще не поняли. . . . Но, леди Изабелла, хочу вас сразу заверить, что я ни на что не претендую в ваших краях. Еду-еду не свищу дальше на Юг, а сюда забрел просто по дороге. Благодаря дивной любезности герцога могу остановиться здесь на сутки или на пару. . . с вашего позволения, конечно, пока отдохнет конь, он у меня такой слабенький, такой слабенький. . . а потом двинусь. В смысле дальше. На коне. Более того, вам вовсе нет необходимости признавать меня сыном герцога. . . даже незаконнорожденным. Признаться, мне тоже этого не очень-то хотелось бы. . .

В глазах Бабетты появилось легкое удивление, а леди Изабелла насторожилась.

– Почему?

– В то время, – объяснил я, – когда герцог проходил через наши края, он оставался еще зеленым юнцом, а героями были благороднейший король Изорга Третий, великий стратег и полководец граф Бернар Клервоский, непобедимый рыцарь барон Иоанн Солсберийский. . . При желании я могу вообразить, что я сын одного из этих героев, а это, согласитесь, повыше.

Я говорил почти ласково, поддакивая, соглашаясь, что я не сын герцога, но леди Изабелла ощутила себя явно уязвленной, произнесла холодно:

– Вы в зеркало когда-нибудь себя видели? Граф Бернар Клервоский на голову ниже вас, я его видела дважды. Барон Иоанн Солсберийский тоже ниже, но зато у него голова, как у дикого кабана, и сам он телом, как горный медведь... Вы горных медведей видели?

– Я много чего видел, – сказал я скромно, – будучи человеком весьма любопытным и даже в какой-то мере любознательным.

– Как прошел турнир? – спросила леди Изабелла.

Трое ждут ответа с напряжением, леди Бабетта – с любопытством, я ответил легко:

– А все турниры одинаковы! Сперва одиночные схватки, потом отряд на отряд. Бьют друг друга почему зря, ну просто неловко за людей!

Она даже не поморщилась, поинтересовалась светским тоном:

– Кто объявлен победителем?

– Сэр Смит, – ответил я. – Не известный никому рыцарь из дальнего медвежьего угла. Кстати, тоже незаконнорожденный. Он получит все полагающиеся пряники.

– А герцог? Он участвовал?

Я кивнул.

– Да, конечно. Он великий воин. Но... как бы сказать... вот чувствует мой седалищный нерв, ваша светлость, у вашего супруга явно другая цель поездки.

Все женщины слушают очень внимательно, герцогиня спросила с волнением:

– Да? Какая же?

Не темни, сказал я взглядом, вы так похожи, что герцог не мог не поделиться с тобой истинной целью. Или хотя бы намекнул в общих чертах. Герцогиня выдержала мой взгляд, но румянец на щеках стал ярче.

– Не знаю, – ответил я беспечно. – Герцог еще только располагался в Каталауне, а я, переговорив с ним и получив вот этот перстень, сразу же отбыл по окончании турнира. С герцогом приперла масса горластых железнобоких, я такого отборного отряда еще не видел, так что герцог с ними явно был спокоен...

Она смотрела пристально, я ответил честным взглядом, ибо и на детекторе лжи повторил бы то же самое: и переговорил с герцогом, и перстень от него получил... не стану уточнять как, с герцогом в самом деле прибыл отряд рыцарей, а куда делся – промолчу, так что я честен, как Талейран.

– Надеюсь, – произнесла она ровным голосом, в котором мне почудился нехороший для меня подтекст, – он вернется скоро.

Я поклонился, обронил осторожно:

– Война в одинаковой мере облагает данью и мужчин и женщин, леди Изабелла. Но только с одних забирает кровь, с других – слезы.

Веки герцогини дрогнули, взгляд стал не просто острым, а пронизывающим.

– Вы что-то знаете о герцoge... еще?

– Ничего существенного, мадам, – успокоил я. – Просто мой небогатый жизненный опыт говорит о том, что очень часто те, кто отправляются за шерстью, возвращаются стриженными.

Лицо ее стало еще бледнее, а круги под глазами отчетливее. Леди Даниэлла вздохнула.

– Скорее бы отец вернулся! Пусть даже, как вы говорите, стриженным. Мы его любим... любого. Только бы вернулся! Я его больше никуда не отпущу! Паду на колени и буду умолять, что пора вложить меч в ножны и повесить на стену.

Мать и сестра посматривали на нее с удивлением, леди Дженифер поморщилась. Мне показалось, она украдкой пихнула сестру. Леди Изабелла одарила старшую дочь недовольным взглядом, обратила царственный лик в мою сторону.

– Вам может показаться удивительным, что замок подвергся такому нападению...

– Я многое видел, – ответил я осторожно.

– Дело в том, – сказала она, – что наш замок неприступен. Его не могли взять за все восемнадцать веков. С того самого времени, как он был выстроен!.. Принято считать, что на нем охранное заклятие, хотя вы сами видите, как он расположен... К тому же в замке всегда был отряд могучих рыцарей.

Я кивнул.

– Значит, единственный способ – перерезать все дороги снабжения, разорить деревни, что поставляют вам свежее мясо, рыбу, дичь...

– Вы все понимаете верно, – согласилась она. – Однако у нас в подвалах немерено зерна и муки, а два родника питают водой весь замок. Осадой нас тоже не взять, разве что продлится годами. Но скоро вернется мой муж, и тогда сэр Кассель сильно пожалеет...

Я всмотрелся в ее лицо. Суровые твердые морщины в уголках рта, вертикальная складка на лбу у бровей, все говорит о том, что сосед досаждают уже не первый год. Не похоже, чтобы герцог Готфрид владел ситуацией.

– Если Господу будет угодно, – произнес я. Увидел, как ехидно заулыбалась Дженифер при виде такого святоши, добавил с лицемерным смирением: – Все в его всемогущей деснице!

Леди Изабелла предостерегающе взглянула на дочь, та фыркнула, но опустила глазки. Леди Изабелла слегка повернула голову в мою сторону.

– И куда изволите держать курс, сэр Ричард?

– На Юг, – ответил я беспечно.

Дочери заулыбались, Даниэлла сочувствующе, Дженифер – ехидно, Изабелла напомнила:

– Юг большой. У вас определенная цель?

– Никакой, – заверил я. – Какая цель может быть у такого простого и простодушного, что в лесу родился, волчьим молоком кормился, в смысле маугличал, по лианам, аки Бэтмен... Просто любознательный я. Заскучал в Срединных Королевствах, не спится юному плейбою, хочу Юг посмотреть. Да и себя, такого вот красивого, показать, а то ведь просто подумать страшно, как же он живет, меня не видя...

Они переглянулись, леди Изабелла произнесла в затруднении:

– Это опасно... ехать вот так. На Юге есть земли, куда нельзя. Там просто смерть для каждого: мага, колдуна, героя, зверя или птицы. Есть земли богатые, но там убивают всех иностранцев. Есть непонятные королевства... А есть страны, где жить легко и привольно. Вам нужно не ошибиться в выборе, куда причалить...

– Дорога только через море?

– Да. Это еще одна сложность. Ветры могут отнести корабль совсем не туда, куда хотели плыть. А бури часто.

– Что делать, – ответил я, – придется рисковать. Но если расскажете подробнее о южных землях, риска будет меньше.

– Расскажу, – пообещала герцогиня и обратилась к мажордому, не поворачивая головы: – Жан, можешь подавать на стол.

Тот повернулся, призывно хлопнул в ладоши. Открылась боковая дверца, оттуда пошли одинаково одетые слуги, каждый нес, откинувшись назад, широкий поднос, уставленный яствами. Пес шумно потянул носом и в нетерпении поерзал задом. Я спросил тихо, но строго:

– Ты это что, у тебя глисты?.. Сиди смирно. Мы должны здесь подавать пример хороших манер.

Я некоторое время ожидал, что леди Изабелла прочтет молитву, как же без нее за стол, однако она взглянула на повара, тот подал знак лакеям, те ухватили со столика широкие подносы и устремились к столу.

Перед леди Изабеллой поставили тарелку с высокими бортами. Оттуда поднимается пар, я уловил аромат налимьей ухи, леди Изабелла взяла ложку и зачерпнула, передо мной поставили широкое блюдо, где обложенный мелко нарезанными кубиками сыра, зеленью и вишнями

истекает соком жареный гусь – весь в коричневой корочке, словно в проржавевшей кольчуге: только тронь – лопнет, обнажится нежная розовая, а то и вовсе белая плоть. Из него валит жар, одуряющий аромат, мои пальцы начали вздрагивать от жажды ухватить и разодрать, хотя мясо там внутри горячее, как недра солнца.

Справа тарелка с отбивными, их уже посыпали перчиком и горькими травами, слева – на тарелке пять коричневатых нежных форелей, свесили хвосты, запах бьет в ноздри. Мысленно я уже жру, но я рыцарь, потому сдерживаю себя за столом и выпрямляю спину с неподвижным лицом, как заправский обуздыватель плоти... в смысле чревоугодства. Насчет плоти я тоже герой, леди Бабетта вон как смотрит обещающе, но я пока еще держусь. При других обстоятельствах сам бы скаканул к ней в постель, но раз уж так старательно меня в нее тащат, надо поупираться.

Хрен знает, что она хочет еще, кроме как поглумиться над моей невинностью.

На зеленых листьях огромные и толстые, как кровяные колбаски, креветки – больше одной в тарелку не помещаются, нежностям. Я раньше ел их только вареными, и то мелкими, а эти жареные, истекающие пахучим соком, политые соусом и с темно-красными крупинками перца, с массой белесой икры, редчайшего деликатеса...

Женщины молчат, чего-то ждут. Я сложил руки и сказал:

– Авэ Мария... Лаудетур Езус Кристос, Отче наш иже если на небеси...

Секунду благочестиво помолчав, я взял нож, разрезал гуся, взглядом извинился перед дамами, что не дотянусь до их тарелок, положил себе и начал жрать, не забывая бросать Псу кости с большими лохмотьями кожи и мяса.

Дженифер громко фыркнула, леди Изабелла, что посматривала на меня с неудовольствием, перевела строгий взгляд на младшую дочь. Дженифер с преувеличенным смирением опустила глазки, но во всем виде читается победоносное: люди, плюйте на него, святоша, ханжа, суеверный дурак, а вот мы все здесь свободомыслящие, несуетные, для нас эти церковники не указ...

В открытое окно между железными прутьями стремительно проскользнул нахальный воробей, так мне показалось, но существо распахнуло золотые крылья, крохотный такой дракончик, шустрый. Если и есть у него враги в природе, то не в этом зале. Он спикировал на край стола, медленно стащил на спину крылья, сразу став таким серым и несчастным, что леди Бабетта засмеялась и, отщипнув от пирога кусочек, сунула ему к мордочке. Дракончик благовоспитанно схватил игрушечной пастью, а когда съел, вздохнул и стал дожидаться, когда дадут еще. Совсем не те наглые ящерицы, каких видел во дворцах, где приходилось останавливаться, те сами хватают без спроса.

Даниэлла с беспокойством поглядывала на Пса, да я и сам был наготове, чтобы гаркнуть что-нибудь вроде «Тубо!» или «Нельзя!», но Пес смотрел на дракончика с ленивым пренебрежением.

Глава 6

Все три дамы то и дело поглядывали, как ем, как режу мясо, как подцепляю на острие ножа ломти сыра или хлеба, а я, иногда забываясь из-за этого гребаного барокко, переставал хватать мясо руками и есть, обязательно чавкая и плямкая. Вот и сейчас, перехватив внимательный взгляд леди Изабеллы, постарался сыто рыгнуть, ухватил салфетку и промокнул уголки рта. И лишь отложив ее, понял, что надо было либо высморкаться в нее, либо плюнуть и бросить под стол. А то и на середину стола.

Леди Бабетта, что не перестает чарующе улыбаться, произнесла томным постельным голосом:

– Сэр Ричард... какая у вас какая великолепная собака...

– Это чудовище? – удивилась Дженифер.

– Да, – ответила Бабетта. – Вы посмотрите, сидит у самого стола, все видит, что на нем... а морда сухая!

Дженифер, похоже, никогда не имела дела с собаками, даже не поняла, в чем же достоинство, но в самом деле голова сидящего Пса выше уровня стола, видит жареного поросенка, запеченных цыплят, рябчиков, голубей, вареную и печеную рыбу, сдобные пироги, но морда остается сухой, хотя у любой собаки слюни свесились бы до пола.

– Это у меня монастырская собачка, – объяснил я благочестиво. – Привыкла умирать плоть.

Дженифер с недоверием смерила взглядом могучую статью Пса, где под гладкой кожей выступают толстые бугры мышц.

– Ее благочестие, – заметила она, – уступает разве что вашему, да?

– Точно, – согласился я. – Вы, леди Дженифер, точно подметили, хоть и красивая... Какой у вас светильник разума коптит!

Бабетта мягко улыбнулась и, поигрывая слегка загорелым плечиком, дала понять, что ее светильник вообще не горит. Настоящая женщина должна чувствовать, а не умничать.

Я взял в руки курицу, хотя это явно не курица, благородные не могут позволить себе есть то же самое, что и простолюдины, это явно какие-то фазаны или откормленные рябчики с ананасами... да ладно, взял я курицу, разорвал надвое и половину бросил Псу со словами:

– Бобик, открывай пащечку... Недожарено, как ты любишь!

Пес поймал на лету, щелкнул челюстями и снова смотрит невинно, как будто муху проглотил, да вообще-то и мухи никакой не было, ждем-с, когда хоть что-то перепадет со стола. Я бросил и вторую половинку, а сам потянулся к зажаренному зверьку типа кролика, что не кролик, конечно, а благородно застреленный на охоте заяц. Разрезал я этого кролика, половину отождрал сам, в самом деле набегавшийся по лесам жилистый заяц, домашний кролик был бы куда мягче и нежнее, остальное бросил Бобику.

Женщины посматривали на него с некоторой опаской, страшные зубы блещут в свете люстр, как молнии, пасть красная, словно вход в ад, кролик исчез во мгновение ока, но в остальное время Пес сидит благовоспитанно, будто каменное изваяние, я даже подумал, что тысячи лет тому вот так сидел у чьего-то стола...

Леди Изабелла заметила, как я рассматриваю дракончика, легкая улыбка тронула ее красиво очерченные губы.

– Надеюсь, сэр Ричард ничего не имеет против этих милых созданий?

– Против рептилий? – переспросил я с удивлением. – Тю на вас, леди Изабелла!.. Чего бы я был против? Безобидные ящерки, пусть и с крыльями!.. Это же пресмыкающиеся, не какая-нибудь погань, про которую не за столом будь помянуто!.. Я, представляете, видел как-

то женщину, что дома кошек держала!.. Не то две, не то три – с ума сойти!.. Вот уж в самом деле извращенка...

Они переглянулись, на лицах некоторое недоумение. Леди Бабетта томно улыбнулась.

– Вы слишком строги, сэр Ричард...

– Женщины, – ответил я строго, – и без того ведьмы, а с кошками так и вообще полная и окончательная нечисть! Если рыцарь увидит где женщину с кошкой, все понятно – должен бить, не ошибется. Лю-бой кошатник – слуга дьявола.

– Ах, сэр Ричард, – томно протянула она, почти пропела, – какой вы... мужественный.

– Да, – согласился я охотно и выпятил грудь, – я такой.

В синих глазах Дженифер промелькнуло отвращение, Даниэлла лишь кротко улыбнулась, только герцогиня хранит молчание, из-за чего у меня создалось впечатление, что державница понимает больше, чем стараюсь показать.

– Такой, – обронила Дженифер ядовито, – такой... праведный!

– Чтобы добраться до источника, – ответил я многозначительно, – надо плыть против течения.

Они смотрели с ожиданием, ждут продолжения, но я изрек мудрость и умолк, пусть думают и стараются понять, к чему я такое изрек. И хотя я сказал просто так, ни к селу ни к городу, но это не важно, обязательно найдут два-три тайных смысла.

– И куда же вы плывете? – спросила Бабетта кокетливо.

Кто-то требовательно постучал по моему колену. Я оторвал взгляд от раздумывавшегося лица Бабетты. В глазах Пса недоумение и укор, он убрал толстую лапу, но взглядом указал на остывающую утку.

– Прости, – спохватился я. – Отвлекся... Привлекательные женщины отвлекают.

Он снова поймал на лету и проглотил в один миг, тут же превратившись в почти каменную статую, где только глазные яблоки двигаются, провожая взглядом проплывающие в руках слуг блюда.

Леди Бабетта раздраженно покусывала губки, слишком демонстративно я показываю свою любовь и заботу о собаке, хотя хорошая женщина ничем ей не уступает, за исключением, правда, верности.

– Не люблю жирное, – сказал я, оправдываясь. – Холестерину много. Бляшки всякие на сосудах... вы не пробовали разводить диетических уток? Странно, у вас отличная фигура, а у леди Изабеллы так вообще... И у леди Дженифер пока что терпимая... хотя дальше кто знает? Может, и растолстеет, как корова.

– Она тоже не ест уток, – ответила герцогиня, я заметил некую раздвоенность в ее чувствах, все-таки ее фигуру я похвалил, а комплимент, даже любой степени грубости, всегда льстит самолюбию. – И не думаю, что растолстеет.

– Тогда, – сказал я, – она не станет жадничать, если я и эту уточку передам тому, кто ее оценит по достоинству...

Пес подхватил обжаренную тушку, глаза стали счастливыми, как у депутата, укравшего миллиардный заказ. Леди Дженифер сказала язвительно:

– Чувствуется, как в вашем монастыре смиряют плоть!

– Не жадничайте, – мягко укорил я. – Жадность – грех. И чревоугодие – грех. У вас какой грех больше?

– А вы не прочь меня исповедовать? – поинтересовалась она ядовито.

Я тяжело вздохнул.

– Вообще-то на меня возложена и такая обязанность, но пока что я от нее благополучно увиливал. Однако в вашем случае понимаю, что вашу душу спасти нужно срочно... Бобик, отдай утку леди Дженифер! Она передумала. Она уже любит уток.

Дженифер сидит злая, как правозащитница, леди Бабетта хитро поигрывает глазками, уж и не знаю, как платье держится, не соскальзывая дальше, ведь с плеч уже сползло, словно в постели. Герцогиня снисходительно улыбнулась: молодежь пикируется, привычные игры разнополых существ, все знакомо и давно пройдено, произнесла почти равнодушно:

– Вам нужно, пожалуй, заглянуть к нашим магам.

Я живо повернулся в ее сторону.

– Зачем? Вы обозвали меня умным или как?

– Нет-нет, – заверила она поспешно. – Но у магов есть подробные карты земель, что по ту сторону океана. Хотя наше герцогство традиционно входит в состав империи Германа Третьего, но океан... слишком большая преграда. Здесь очень давно не появлялось имперских эмиссаров.

– Ваше герцогство – единственный плацдарм Юга на этом берегу?

Она вопрос поняла, отрицательно покачала головой.

– Нет, все побережье вплоть до Великого Хребта, где тот выходит к океану. Это не много, но и не мало. Как раз на королевство средней руки. Правит король Кейдан, его земли входят в состав империи Германа Третьего. Как вы понимаете, эти земли не захвачены северными королями только потому, что те не в состоянии перебросить через Перевал достаточное войско. Да и Юг, возможно, именно по той же причине не может двинуть на Север свои войска. Хотя, возможно, есть и другие причины.

Леди Бабетта улыбнулась хитренько, уж она-то знает почему и сколько войн начиналось из-за женщин, сколько войн женщины прекратили, сколько переворотов из-за них, прекрасных и умеющих дарить неземное блаженство.

– Юг, – произнесла леди Изабелла, – тоже разделен на ряд земель, из которых часть – королевства, часть... что-то странное, там правят не то купцы, не то еще какие простолюдины, а часть вообще неизвестно какие и кто в них правит. Есть еще Море Зеленой Воды, там властвуют могучие йорки. У них несколько островов, самые быстроходные и смертоносные корабли, однако они никогда не выходят за пределы своего моря.

Я слушал очень внимательно, герцогиня наконец сказала:

– Сэр Ричард, на Юге вы узнаете, конечно, больше. Основные войны магов гремели на Севере, а на Юг докатывались отголоски великих бурь. Хотя, конечно, уцелели остатки остатков. Во всяком случае, Великие Войны Магов, как здесь зовут, там называются иначе. На Юге помнят, что в последнюю войну маги заморозили весь воздух, с неба падал град размером с крупных баранов, что крушил все, стер с лица земли не только города и села, но даже леса, а реки превратил в лед... Потому последняя война имеет название Возмездие Льда, а предыдущая, если не ошибаюсь, – Черный Ветер...

– Мама, – перебила Дженифер щебечущим голосом, – Черный Ветер был до Тысячи Солнц. Но это не важно, не забивай голову сэру Ричарду глупыми знаниями, иначе у него от усилий заболит голова. У меня появилась мысль, что...

Я посмотрел на нее холодно.

– И как она себя чувствует в том пустом помещении?

– Прекрасно, – ответила она дерзко, – а у вас голова литая?

– Хорошая мысль, – похвалил я. – Если вы все их будете записывать в тетрадь, то через три года переберетесь на вторую страницу! Ну, пусть через четыре. Ох, простите, вы же неграмотная...

Она вспыхнула до корней волос:

– Я? Неграмотная?

– Тогда вы не можете быть благородной крови, – уличил я. – Человеку высокого звания непристойно опускаться до грамотности.

Она поджала губы, я видел, как старательно ищет правильный ответ, наконец произнесла с королевским высокомерием:

– У людей благородной крови настолько много свободного времени, что они могут себе позволить многое.

Я вздохнул, сказал с укором:

– Леди Дженифер, нельзя такое при детях! Мой Пес еще совсем ребенок...

Она вспыхнула до корней волос.

– А что я сказала?

– Я не решусь повторить, – ответил я смущенно и потупил взор в тарелку. – Я такой застенчивый... Провинциал, что делать. Мы в глуши все такие стыдливые. Не то что вы, которая позволяет себе многое...

У нее зарделись даже уши, над кончиками заструились потоки перегретого воздуха. Лакеи, двигаясь бесшумно, в чашках из тончайшего фарфора подали травяной чай. Я втянул ноздрями, пахнет мягко и приятно, чашка разрисована вензелями и гербами Валленштейнов, золотом по ободку идут буквы загадочного девиза: «Штиль страшнее». На широких тарелках белая груда четырехугольного печенья, украшенного сверху половинками орехов и земляничного варенья в углублении каждого.

Подали мед пяти сортов, от прозрачного, как вода, до темного, как деготь, поставили в вазах варенья и мармелады, джемы и еще какие-то сладкие излишества.

– Кстати, – сказал я, – у меня в плену сын этого Касселя, если я правильно понял. Пойду-ка его проведу, заодно решу, что с ним делать... Кстати, чай просто великолепен. И сласти. Если леди закончила с допросом своего гостя, то...

Я сделал паузу, леди Изабелла помедлила и поднялась величественно и вместе с тем достаточно женственно.

– Да, сэр Ричард, идите, это ваш пленник. Но все-таки, если вам будет не трудно, сообщите, что намерены с ним делать. Все-таки это наш сосед...

Я улыбнулся.

– Надеюсь, вы не будете его защищать с оружием в руках?

Они остались за столом, я поднялся, отклонялся, стараясь делать это как можно серьезнее и галантнее, в смысле – куртуазнее. Пес тоже встал, заметно отяжелевший, довольный, как два слона. Герцогиня величественно наклонила голову.

– Я слишком долго пробыла женой могущественного лорда, чтобы не знать, какие права на пленника у того, кто его захватил... Жан!

Из дверей выступил мажордом, поклонился, как механизм.

– Да, ваша светлость.

– Проводи сэра Ричарда в его комнату.

– Какую, ваша светлость?

– В западную башню, – ответила герцогиня незамедлительно. – В комнату для гостей.

На лице Бабетты промелькнуло неудовольствие, явно расположилась в башне по диагонали, зато Дженифер ехидно улыбнулась.

Мажордом повернулся ко мне и произнес с холодной бесстрастностью:

– Сэр, прошу вас следовать за мной.

– Следую, – согласился я. – Давай, Вергилий... или Сусанин, как тебе удобнее. Бобик, отбываем!

Мажордом не повел и бровью, иначе какой из него мажордом, двигается, как боевой носорог, царственно и целеустремленно. Мимо проплывали величественные и не очень залы, мы поднимались по лесенкам, двигались по переходам, наконец долго шли по длинному каменному коридору без окон и дверей, в стенах через равные промежутки вделаны светильники, язычки пламени тянутся ровно, хотя я лопатками чувствую сквозняк, так что и здесь магия...

Псу наскучило плестись сзади, начал забегать вперед. Там то и дело слышался вскрик, так что за весь наш путь никто не встретился, как и никого мы сами не нагнали. Наконец, как я понял, попали в соседнюю башню, что сама по себе равна по размерам иному донжону. Мажордом остановился у двери из дорогого красного дерева, уголки украшены золотом.

– Ваши покои, сэр.

– Благодарю, – ответил я тем же ровным и бесстрастным голосом, каким надлежит разговаривать со слугами и роботами. – Не забудь распорядиться, чтобы сюда перенесли мои лук и доспехи.

– Непременно, милорд.

– Если понадобятся слуги, как вызвать?

– Они вам не понадобятся, сэр.

Совершенно без эмоций поклонился, повернулся и тихо удалился, ровный и не делающий ни одного лишнего движения, как бесшумный робот-полотер. Я толкнул дверь, сказал негромко:

– Бобик, не спеши...

И остановился на пороге. Какая комната, эти раззолоченные покои можно рассматривать, как старинный музей, полный экспонатов, но я, окинув взглядом все и вообще, уставился на ближайшую металлическую фигуру. Рыцарь неподвижен, в спокойной, расслабленной позе, весь исполнен достоинства, горд, как сам дьявол, доспехи подогнаны с дивной тщательностью, крупные стальные пластины наложены одна на другую, как рыба чешуя, но кираса из единого листа, там барельеф из двух вздыбленных львов, чуть ниже непонятные значки.

Я присмотрелся, обеими руками рыцарь опирается на длинный меч, что острием уходит в камень. Как я понимаю, грамотный, это для устойчивости, третья точка опоры, однако его сосед стоит с короткой булавой в руке, ему хватает и двух конечностей. Правда, стальные башмаки, защищающие ступни, явно сорок девятого размера, достаточно для опоры.

Третий рыцарь, на полголовы выше обоих, широк в груди, панцирь больше похож на римские латы: тщательно повторяет контуры могучих грудных мышц, я даже усомнился, что у хозяина доспехов именно такие гипертрофированные, оружейник мог и польстить знатному заказчику, крупные стальные пластины, защищающие плечи, зрительно расширяющие их, в то же время чувствуется, что эти доспехи пришли из более раннего периода человеческих драк. Даже меч коротковат, если для рыцаря. Мы привыкли видеть этих железнобоких ребят с длинными мечами, а у этого, как у римского легионера, больше похож на нож для разделки рыбы.

Четвертый, пятый – почти повторяют доспехи третьего, разве что еще чуть-чуть архаичнее. Я не мог бы сказать, в чем архаичность, но внутренний голос с уверенностью идиота твердил, что это самые древние из увиденных мною предков Валленштейнов. Правда, шестой вообще как будто из доримской эпохи: шлем, как у гоплита, цельнолитой, на голове характерный для эллинских всадников гребень, в руке легкое копьё, не рыцарское, а совсем простенькое, как у Ахилла, которым можно колоть, парировать, а при необходимости и метнуть. Даже темные доспехи с выдавленными знаками и орнаментами наводят на мысль о черной бронзе, что якобы в сотни раз прочнее железа, но только секрет изготовления, как же, утерян...

Я ошеломленно рассматривал блестящие доспехи и вдруг ощутил, что и они меня рассматривают внимательно и строго. Не доспехи, а те, кто в этих доспехах. Я шагнул к ближайшему, приподнял забрало и заглянул вовнутрь. Даже сунул в пустоту руку и пошевелил пальцами. Темно и пусто, очень убедительная декорация, молодцы художники. Хоть и перестарались с убедительностью, на мой взгляд. Социалистический реализм какой-то. Даже натурализм, что совсем уж ни в одни ворота. С другой стороны, и абстрактного что-то не хочется. А то буду искать у служанок за ухом...

Вдоль трех стен рыцари, вдоль каждой – по четверо. Итого – двенадцать. Вообще-то магическое число для тех, кто не знает дробей: делится на любое количество бульбулей, да и вообще в жизни на каждом шагу натыкаешься на эти двенадцать – от месяцев до двенадцати паладинов Карла Великого. Двенадцать рыцарей в одну-единственную комнату, по-моему, перебор, хотя это не совсем комната, а покои, что даже вовсе апартаменты. В этом зале разве что кино снимать про эпоху разложения французских королей и помпадурш.

– Бобик, – велел я, – ищи.

Он поднял голову и посмотрел на меня очень внимательно. Я развел руками.

– Ну как я могу сказать что? Сам не знаю. Но чувствую подвох всеми фибрами, что уже жабры. Эта колючка, именуемая дочкой герцога, та-а-ак посмотрела...

В глубине покоев огромное ложе под балдахином, Пес пробежался вокруг, запрыгнул и тщательно обнюхал, снова соскочил и побежал вдоль стен. Я наконец сообразил, что он выбирает себе лежанку помягче, махнул рукой и сам отважился поисследовать покои, хоть и пока что очень осторожно. Вдруг да какая каверза, да и вообще ничуть не стыдно побыть в роли простака за границей. Слишком великолепно здесь, такое не должны отдавать простому гостю, заехавшему по дороге перевести дух. И еще не оставляет ощущение, что я перепрыгнул в следующий век, хотя не слишком разбираюсь, когда и что было, но все в комнате слишком изысканно: стены скрыты панелями из дорогого дерева, а самого дерева почти не видно из-за картин в массивных золотых рамах, золотых украшений.

Даже камин отделан золотом, не говоря уже об изящной кушетке, где и спинка, и подлокотники, и ножки – все слепит золотом, на столе изумительной красоты золотой подсвечник с тремя горящими свечами, еще два трехногих столика с круглыми столешницами, какие-то шкафы с золотой инкрустацией, и, конечно же, роскошное ложе с отделанным золотом изголовьем, кучей подушек на бархатном или атласном покрывале. Причем ложе всажено в углубление неимоверно толстой стены, так что заползать можно только со стороны ног.

Над камином широкая полка из белого мрамора, в центре причудливая статуэтка. Отсюда не разгляжу, по краям подсвечники чересчур вычурной формы. В углу на мраморном пьедестале бронзовый – наконец-то! – бюст какого деятеля в рыцарском панцире, но с обнаженной головой. На меня холодно смотрят слепые глаза человека с таким лицом, что невозможно не узнать далекого предка Валленштейна.

Воздух достаточно чист, но ароматы слишком приторны, надо будет открыть окно.

Роскошная кровать, что выдержит и слона, ну это везде такие, однако слонопотамность этой скрадывается невероятной роскошью и богатством обстановки. Сама кровать вся в подушках, толстое и вместе с тем невесомое одеяло, шкуры диких зверей на стенах и на полу, яркие гобелены, и еще одна пальма в кадке, удивительно.

Я прошелся, осматривая спальню, внимание привлекла роскошная драпировка на стене, отодвинул, там широкий проход в еще одно помещение, назначения которого я не понял, но еще обширнее.

Вторая комната в торжественно багровых тонах, стены из дорогих пород дерева, несколько картин в золоченых, а то и в золотых рамах, великолепный диван, несколько кресел, везде блестит желтый металл, да здесь помешались на золоте, что есть желтый дьявол.

Только окна напоминают, что я не в роскошнейшем отеле, который косит под старину: узкие бойницы, закрытые решетками из толстых кованых прутьев. Правда, камня не видно, все облицовано красным деревом, сверху нависает подобие укороченного балдахина, а снизу широкий подоконник из темно-коричневого дерева, отполированный до сдержанного блеска.

Ноги тонут в толстом ковре, у нас на Севере на полу обычно шкуры диких зверей. И ходить удобно, и чувствовать приятно, что эти чудовища попираемы моими конечностями. Но здесь то ли зверей таких нет, а шкуры надо везти с враждебного Севера, то ли гуманист на гуманисте, да еще и гуманистом погоняет.

Пес, исследовав все очень тщательно, подошел и заявил, что мин нет, как и растяжек, можно располагаться. И сам показал пример, перетащив толстенную и роскошную перину, где только и отыскал, к входной двери. Я понаблюдал, как он покрутился, будто ловит собственный хвост, таков у него ритуал, когда ложится всерьез и надолго, наконец тяжело вздохнул и рухнул, ухитрившись сплющить перину до пола.

– Хорош, – сказал я саркастически. – Ладно, бди здесь! Появятся непрошенные гости – рви в клочья! Я имею в виду, если нежить или нечисть, а не леди Бабетта...

Пес смотрит серьезно, в глазах недоумение и вопрос. Я подумал, вздохнул и признался:

– Что-то я переел жирного, враз тупею на глазах. Если нежить явится в гости вежливая, да еще с подарком, – за что ее обижать рванием на части?.. Мы не расисты, я всех ненавижу одинаково. Так что только в порядке самозащиты, понял?

Пес чуть-чуть оскалил зубы, это у него улыбка, принимает мое признание в оплошности и мои извинения. Я перешагнул через него, все равно больше не вырастет, открыл дверь. Коридор длинный и пугающе пустой. Ну пусть не совсем пугающе, но как-то не по себе. Словно в полночь идешь через темную подворотню с плохой репутацией.

Я тронул молот на поясе, меч за плечами, вздохнул тяжело, ноги ватные, но перешагнул порог. В коридоре пахнет чем-то монастырским, весьма странно, аромат древности и аскетичности, издали донеслись голоса и шум. Через сотню шагов в стене открылся выход на веранду. Отсюда, с веранды, весь двор как на ладони. Либо герцог – заботливый хозяин, либо, что вернее, сказывается влияние Юга: пристройки добротные, надежные, никакой временности, булочная это, кузнечная, оружейная или кожевенная. Впрочем, кожевенной нет, все вонючие производства явно вынесены далеко за пределы замка. Проще и дешевле получать готовые и выделанные шкуры, а здесь только кроить и шить, будь это латы, доспехи или женские платья.

А вот церкви не вижу. Даже часовни нет, что уж ни в какие ворота. Это первый замок, где нет церкви.

– Вот я и на Юге, – произнес я вслух.

Голоса стали громче. На дальнем конце веранды в полусотне шагов устроились в изящных легких креслах все четыре дамы, которых я имел честь и удовольствие зреть за поздним обедом-ужином, и кастелян. Неподвижный мажордом стоит у стены, а спиной к парапету настраивает лютню молодой и приятный с виду парень, бледный и нежный, сразу видно поэта, подтягивает струны, прислушивается, словом, всячески набивает себе цену, как будто нельзя настроить инструмент на полчаса раньше.

Затем он вскинул лицо к багровому закатному небу, пальцы несколько раз ударили по струнам. Запел он мягко, голос оказался достаточно сильный, богатый оттенками. Песня, как я понял, о куртуазной любви сэра Оливера к жене своего сюзерена лорда Галлиона. Я напряг слух, эту популярную балладу уже слышал, но певец кое-что изменил, как многие делают из-за скверной памяти, это называется авторской обработкой, однако сейчас вроде бы звучит лучше...

Глава 7

Заинтересовавшись, я приблизился, стараясь не пропустить слов, иногда заглушает громким брэнчанием, по мне бы лучше вовсе не играл, так понятнее. Когда он заканчивал рефрен, я потихоньку прошел к сидящим со спины, леди Изабелла с дочками не оглянулись, зато леди Бабетта одарила меня щедрой улыбкой во весь красный чувственный рот, показав свои возможности.

Для послеобеденной прогулки Бабетта использовала губную помаду намного темнее, из-за чего зубки сверкают вообще как молнии в ночи, да и глаза блестят ярче из-за мощно накрашенных загнутых ресниц, которые и так сами по себе могут удержать небольшую ящерицу. Она улыбалась загадочно, наблюдая за моим лицом, а некоторые чувства мы, мужчины, ну никак не научимся скрывать. Наверное, потому, что они подчиняются не такому молокососу, как головной мозг, а намного более древнему и могучему – спинному.

Тот, кто платит, не только заказывает музыку, но и заставляет ее слушать всех остальных, однако леди Изабелла то ли музыканта выбрала хорошего, то ли он сам такой уродился: поет красиво и печально, не чувствуется той суетливости холопов, жаждущих заработать со стола рыгающего феодала жирный кусок. Играет и поет с чувством собственного достоинства, словно прозревает будущее, когда менестрели и барды станут самыми богатыми и знатными людьми на свете, а класс феодалов исчезнет вовсе.

В балладе по-прежнему звенят мечи и льется кровь во имя прекрасных дам, однако менестрель делает акцент не на воинских подвигах, а на терзаниях рыцаря. Любовь к даме вошла в противоречие с верностью сюзерену, рыцарь рвет «белокурые волосы, захлебывается в рыданиях», но в конце концов все же решает, что любовь к прекрасной даже превыше всего.

Я вслушивался придирчиво, все-таки менестрели – это средневековые СМИ, роль которых недооценивалась как в те времена, так и в нынешние. На самом деле именно они, вот такие бродяжничающие от одного замка к другому, и создали рыцарство, выделив его из просто здоровенных мужиков с крепкими кулаками и зычными голосами.

Он посматривал на меня настороженно. Пальцы все медленнее бегают по струнам, наконец, закончив, прижал лютню к груди и церемонно поклонился. Я дважды приложил пальцы левой руки к ладони правой, что в моем исполнении может означать бурные и продолжительные. Леди Изабелла благосклонно кивнула.

– Спасибо, Патрик. Ты в самом деле доставил нам удовольствие.

– Спасибо, – сказала Даниэлла. – Это было прекрасно, Патрик!

Дженифер сморщила носик.

– Неплохо, неплохо... Хотя слишком уж рыцарь плаксивый... И вон та струна у тебя дребезжит!

Кастелян смолчал, лицо оставалось благосклонно неприступным, до разговоров с менестрелем снизойти не считал возможным. Леди Изабелла кивнула так же царственно-державно:

– Спасибо, милый Патрик. Можешь идти... Хотя нет, задержись на минутку!

Он снова прижал лютню к груди, поклонился. Мне показалось, что в сторону кроткой Даниэллы бросил молящий взгляд, однако не промолвил ни слова, остался стоять тихо и с достоинством хорошо воспитанного человека.

Леди Изабелла чуть повернула голову в мою сторону.

– Сэр Ричард? Вам тоже понравилось?... Что-то у вас хмурый вид. Скажите же Патрику свое мнение рыцаря, о которых он слагает баллады!

– Весьма, – изрек я. – Да, весьма.

Женщины переглянулись, а Патрик опасливо смерил взглядом мой рост и длину рук, помолчал, не решаясь усомниться вслух, что такие здоровяки предпочитают слушать звон мечей и крики трупов.

– Это простая песня, сэр, – заметил он наконец. – Герцог Готфрид предпочитал, конечно, героические. А это так...

– О любви, – сказал я.

– О любви, – согласился он несчастливо.

– О неразделенной, – подчеркнул я.

– Да, сэр...

– Сэр Ричард, – напомнил я. – От разделенной любви рождаются дети, а от неразделенной – стихи.

Женщины посматривали с интересом, у Дженифер разгорелись глазки. Менестрель взглянул настороженно.

– Наверное, вы правы, сэр...

– Прав, – отрезал я безапелляционно, – как может быть рыцарь не прав?.. Да еще с таким длинным мечом? Вот что еще... сам понимаешь, что для тебя лучше неразделенная. Что дети? Вон их сколько бегают!..

Он вздохнул.

– Да и песен сколько, а все ли выживают?.. Кроме того, сэр, каждый человек стремится к простому тихому счастью.

– Каждый простой человек, – уточнил я. – А ты точно знаешь, что простой?.. И что твои песни забудут? Если уверен – женись и заводь детей. Если же есть шанс, что хоть какая-то песня выживет, – дай обет безбрачия и воспевай баб-с издали, оттуда они не такие мерзкие. Не важно, какой повод к созданию песни, главное – чтоб получилась!

Он вздохнул, посматривал нерешительно, во взгляде колебание, все еще не знает, как меня понимать и каким принимать, вот такая я богатая натура, многосторонняя, даже это профессиональное брехло или, скажем вежливее, – создатель культурологических мифов еще не врубился и никак не выберет линию.

– Значит, – проговорил он невесело, – мое исполнение не понравилось?

– Почему же, – ответил я искренне. – У тебя прекрасный голос. И на лютне превосходно... э-э... пальцами. Гибкие суставы, как у карманника, чуткий слух. В самом деле, очень хорошо.

Женщины смотрели блестящими глазами, что-то назревает, но пока еще не поняли, а менестрель продолжал всматриваться в мое лицо.

– Тогда... не понравилась сама баллада?

Я пожал плечами.

– Баллада как баллада. Вполне естественная для этого времени.

В его глазах блеснуло удивление.

– Это как?

– Люди мельчают, – сказал я, – а у мелких людей мелкие интересы. Это только в героическую эпоху: сперва думай о Родине, а потом о себе... Но та эпоха прошла, ты очень хорошо и умело показываешь ту грань, на которой балансировал твой рыцарь. У него был выбор: остаться в прежнем мире или перейти в этот, современный. Он решил перейти в современный, когда близость к женщине оценивается выше, чем близость к Отечеству.

Женщины смотрят с непониманием. А на лице Патрика удивление сменилось изумлением, вряд ли он сам так трактовал, потом глаза стали серьезными, на лбу появились вертикальные складки.

– Знаете, я как-то об этом не думал... – проговорил он с уважением в голосе. – Но, действительно, все старые песни о верности, преданности, жертвенности, а современные – о куртуазности. Странно, что вы так хорошо все заметили и ощутили.

Я отмахнулся.

– Не обращай внимания. Просто я реликт того старого времени. Потому и замечаю.

Он вскинул брови.

– Вы?.. Но я бы сказал, что вы очень молоды... Намного моложе большинства здешних рыцарей!

– Дело не в возрасте, дорогой Патрик, – объяснил я великодушно. – Я молод душой, но намного старше в других местах. В смысле в голове. И хорошо понимаю, что рано или поздно человек начинает понимать, что своя рубашка ближе к телу. И вообще пусть другие воюют, а мы тут повздыхаем о бабах... в смысле о дамах. И будем тискать в подворотнях... это такие альковы, жен тех героев, что ушли защищать страну. Будем задира́ть им подолы и гордиться своей изворотливостью.

Он отшатнулся.

– Сэр Ричард, я ни о чем подобном не пел!

– Запоешь, – пообещал я. – Не сейчас, через какую-то тысячу лет. Даже на пару столетий раньше.

В его глазах появилось нечто вроде опаски.

– Вы... умеете заглядывать в грядущее?

– Только в самое отдаленное, – успокоил я. – Но я не вижу, в какой руке ты держишь фи́гу в кармане, к чьей жене ходишь, какие у тебя дурные наклонности...

Он бледно улыбнулся.

– Вы меня успокоили.

На женских лицах разочарование, разговор им непонятен, а еще досаднее, что мы с мене-стрелем разговариваем на понятном нам языке.

Леди Изабелла повторила мягко:

– Спасибо, Патрик. Можешь идти.

Он поклонился и удалился без привычного рыцарского лязга, топота и нарочитого грохота и бряцания, что в этом мире говорит о мужественности и силе шумоносителя. Леди Изабелла заговорила с вопросом в глазах:

– Похоже, вам уже приходилось слушать баллады, сэр Ричард. Вы рассуждаете с таким знанием дела.

Я отмахнулся.

– Да какое там знание! У нас обычно группы атлетических музыкантов бьют в бубен на свадьбах, юбилеях и других праздниках. И вообще я знаю, что коров ведут на бойню под музыку Моцарта... это музыкант из наших земель, а мужчин под звуки национального гимна. В смысле героических песен. Ибо для чего рождаются мужчины, как не для битв и славной гибели?.. Вот-вот.

Дженифер смотрела на меня с отвращением.

– Вы хоть сами понимаете, что нагородили?

– Нет, – признался я честно. – А зачем? Это же светская беседа, как я понял? Во-вторых, я разговариваю с женщинами... вроде бы. Вы так мило щебечете, так мило щебечете, все щебечете, щебечете... Я в восторге от вашего голоса. Меццо-сопрано?.. Нет? Давайте угадаю со второй попытки – контральто?

Она фыркнула и, не отвечая, взяла Даниэллу и леди Бабетту под руки, почти силой оттащила их к краю веранды, полностью игнорируя грубого хама.

Леди Изабелла матерински улыбнулась детской выходке дочери.

– Она еще ребенок. А вы совсем не понимаете мою Дженифер, сэр Ричард!

– Мужчины, – объяснил я доверительно, – только делают вид, что не понимают женщин. Это обходится дешевле.

Она призадумалась на миг, потом в ее устремленных на меня глазах появилось совсем другое выражение. Мне даже почудилось в нем уважение.

– А вы не просты, сэр Ричард.

– Прост, – заверил я. – Вообще все стараюсь упростить, чтобы хоть как-то понять своей ленивой головой. Или понимают не головой, леди Изабелла?

Она слегка раздвинула в улыбке тонко очерченные губы.

– Это смотря кто, сэр Ричард. Вы, рыцари, должны понимать сердцем, не так ли?

Мне почудился опасный для меня намек, потому я жизнерадостно, а-ля простолюдин, засмеялся.

– Как рыцарь – да, сердцем! Как незаконнорожденный – головой. Как простолюдин – седалищным нервом. Он у всех у нас в заднице, но кого-то успевает предупредить, кого-то нет. Как догадываюсь, благородные к нему не прислушиваются... а зря. Он меня не раз спасал!

Она внимательно рассматривала меня темными глубокими глазами, я снова ощутил небольшой холодок по коже, что прокатился с головы до ног и тут же исчез. Выражение ее глаз не изменилось, но я ощутил, что она разочарована.

– Ваша мать, сэр Ричард... кто она?

Я сдвинул плечами.

– Женщина. Красивая женщина.

Она снова чуть раздвинула губы в улыбке.

– Редко когда взрослый сын так говорит о матери. Похвально! Обычно сыновья их считают старухами.

– У нас патриархальный край, – объяснил я. – Уважение к старшим – в крови. Мать для любого в нашем клане, тейпе или корпорации, как ни назови, едва ли не святыня, ибо рождает воинов, дает жизнь!..

– Патриархальный край, – повторила она задумчиво. – Изолированные области... У вас люди не отличаются ли от... простите, если задеваю, от других людей? В смысле которые из других краев?

Я сделал вид, что задумался, сдвинул плечи.

– Да вроде бы нет. Мужчины, правда, наши обычно здоровее, а женщины – красивее. Еще некоторые из наших женщин... ну, как бы это сказать... словом, они могут немножко больше, чем, скажем, здесь. Наша женщина может сбить с ног мужчину, который ей не понравится, только посмотрев на него по-особому. А так все, как везде.

Она кивнула.

– Так я и думала. Что-то в вас есть от вашей матери... Простите, если задела.

– Да ничуть, – ответил я легко. – Я не считаю, что это плохо.

Она посмотрела, как я гордо расправил плечи и выпятил грудь, матерински улыбнулась и удалилась, одарив меня царственным взглядом. Три женщины щебетали, свесив головы над перилами, но удалиться я не успел, леди Дженифер как почуяла, что матери нет, оглянулась, приветливо помахала рукой.

– Сэр Ричард!.. Идите сюда.

Даниэлла дернула ее за рукав, но Дженифер отмахнулась. Ее синие глаза следили за мною с тем выражением, как рысь смотрела бы на зайчонка. Даниэлла ухватила леди Бабетту и утащила, хотя та явно хотела бы остаться и посмотреть, как Дженифер расправится со мною, да и вообще как-то глупо уходить от нового мужчины, с которым еще кокетничать и кокетничать.

Я приблизился к Дженифер, отвесил поклон, демонстративно не отрывая бараньего взгляда от выреза на ее платье. Она вздохнула, оглядела меня с крайним сожалением, как-то ухитряясь смотреть сверху.

– Как жаль, – произнесла жалостливо, – что вы... этот... не совсем нормальный...

Я расправил плечи, сам посмотрел на нее сверху.

– Вы правы, леди. Все такие мелкие, хилые... Я в самом деле ненормальный. В стране рожденных ползать к рожденным летать относятся как к незаконнорожденным, а в стране пузатой мелочи... Болезнь у вас какая-то? Мор? Недоедали? Видать, такие здесь хозяева.

Она чуточку покраснела, привстала на цыпочки, сказала уже дерзко:

– Скажите, вы в самом деле родились в хлеву? Надеюсь, я вас не задела бестактным вопросом...

– Нет-нет, – заверил я, – что вы! Христос тоже родился в хлеву, а Ирод и вы – в прекрасных дворцах. У Ирода, кстати, и платье точь-в-точь как у вас. Сказано, дурак: думал, что чем больше навешает на себя желтого металла и разных камешков, тем станет умнее. Или красивее, уж не знаю, что он хотел показать.

Ее щеки чуть заалели, в глазах блеснул гнев. Мне показалось, что хотела опустить взгляд на платье, но это сразу выдать себя, она еще надменнее задрала носик.

– Я поговорю с мамой, чтобы вам заплатили за ваши труды. Мы всегда хорошо платим наемникам.

Я поклонился.

– Да, это будет кстати. Заодно сбегайте к конюху, пусть наутро приготовит моего коня. Я выеду на рассвете.

Она выпрямилась так, что едва не перервалась в пояс.

– Я не служанка!

– Ах, простите, – ответил я без тени раскаяния. – Вы так хорошо мне вымыли спину, что я решил, будто тоже подрабатываете... Все-таки замок ветшает, надо как-то сводить концы с концами. Извините, если вы меня правильно поняли.

Она в великом возмущении открыла и закрыла хорошенький ротик, в ярости не находя слов, такого еще не было, чтобы неотесанный мужлан легко пикировался с нею, топнула ногой.

– Наш замок не ветшает!

– А что подрабатываете, согласны, – констатировал я, – ладно, жду вас сегодня ночью на сеновале. Оплата по факту.

Она вспыхнула, оглядела меня с головы до ног.

– Вы в самом деле считаете себя рыцарем?

– Берите выше, – сказал я гордо и выпятил грудь. – Я – паладин. В моих землях – равноправие полов. Никто не относится к женщине как к обязательной дуре. Потому, если брякнет женскость... в смысле дурость, то мужчины не переглядываются, мол, что с дурочки возьмешь, а сразу по морде, по морде, по наглой рыжей морде!..

Она вскинула брови в презрительном удивлении.

– Так у вас вроде бы не рыжая...

– Зато у вас... – протянул я. – Сестренка, у тебя, как у любого щеночка, режутся зубки, и страсть как хочется грызть все, что попадается. Так вот, не пробуй на мне их крепость, ладно? У меня инстинкт – давать сдачи. Знаю, что надо бы не обратить внимание: женщина, что с дур взять, но я из тех земель, где и женщины – люди, потому мы им тоже иной раз в зубы... как равноправным. Договорились?.. Ты лучше скажи, мне могут здесь составить карту южных земель?

От нее летели искры, я отшатнулся, когда она сказала с гневом:

– Я вам не сестренка! И обращайтесь ко мне только на «вы»!.. Это Даниэлла готова кого угодно признать братом, а меня не проведете!

– Ага, – сказал я тупо, – значит, не знаете...

Она выкрикнула мне в спину:

– Вегеций в южной башне!

Глава 8

Вегетий – в южной, я в западной, так что можно не выходить во двор, между башнями проложен широкий коридор внутри соединяющих их стен. Хозяева крепости в северной, от нее коридор к моей идет тоже по прямой. Вообще-то проход в скальном массиве перекрывает стена с двумя башнями: северной, и второй, тоже северной, как мне кажется, ну пусть северо-западной, но здесь географию или астрономию знают лучше, если говорят – западная, пусть западная. Я не извозчик, чтобы назубок знать географию.

На той стороне четырехугольника – восточная и южная. Между ними – если идти поверху, веранда, выходящая во двор, где звучали песни Патрика. Северная башня служит донжоном, в самом деле побольше в размерах, хотя по высоте такая же, как и остальные три. В каждой – по четыре-пять этажей с множеством комнат, сейчас пустых, но когда-то в крепости людей было в десятки раз больше. А то и в сотни. Южная башня в трещинах, вот-вот рухнет. В моем «срединном королевстве» такую давно бы окружили забором и разобрали, чтобы на освободившемся месте выстроить что-нибудь прибыльное, но здесь явно не хватает ни рук, ни средств. А северная и западная принимают натиск степных племен, что пытаются прорваться вовнутрь герцогства.

Кстати, потому северная и западная не только самые высокие, но и весьма толстые, у них есть и другие цели, кроме как с вершины высматривать приближающихся врагов. Собственно, даже те две башни, южная и восточная, что на той стороне четырехугольника, мало уступают донжону по размерам, в каждой внизу такой же холл, на втором этаже множество комнат, а на третьем – покои для знатных гостей. Есть еще четвертый и пятый этажи, что там – не знаю, а по плоской крыше, окруженной зубчатым барьером, бродят часовые. Во всяком случае, должны бродить.

В стенах коридора время от времени ниши, одни пустые, в других – статуи. Разнобой, красиво именуемый эклектикой. Я не уловил закономерность, с которой расположены каменные атлеты и рыцари из сверкающего металла, сталь явно нержавеющая. Я бы сказал осторожно, что герцоги натащили в свой замок немало награбленного, а также навывоженного в старых городах.

Сзади слышались быстрые шаги, я обернулся, одновременно опуская ладонь на рукоять молота. По середине коридора бежит трусцой здоровенный мужик в кожаном нагруднике, морда широкая, шея бычья, в плечах косая сажень, в глазах великое почтение.

– Ваша милость, – выпалил он еще издали, – я Лимож, местный оружейник.

– Слушаю тебя, Лимож, – ответил я несколько настороженно.

– Меня послал к вам Мартин, – объяснил Лимож, он все еще отдувался, лицо покраснелось и блестит, как смазанная жиром сковородка. – Он так и не увидел вашего щита... честно говоря, как-то рыцарь без щита – это вообще непонятно, и предложил для вас сделать...

– У меня есть щит, – объяснил я. – Просто чаще вожу его в мешке, так удобнее. Ты имеешь в виду щит для вывески?

– Да, – сказал он обрадованно. – Мартин говорит, что его надо повесить у входа. Всякий, кто увидит, да устрашится.

Я сдвинул плечами.

– Если для вывески, то делай. Но я не собираюсь здесь задерживаться. Утром уеду дальше.

Он сказал огорченно:

– Жаль... Но щит мы все-таки повесим. Хотя бы в память. Что изобразить на щите?

Я подумал, покачал головой:

– Прежде всего, если вздумаете вплетать гербы Валленштейнов, надо спросить герцогиню.

– Спросим, – пообещал кузнец, – а что бы вы сами хотели?

Я подумал еще, поинтересовался:

– А нельзя ли... голую бабу? К примеру, леди Бабетту?..

Он спросил, шокированный:

– Но... зачем?

Я удивился:

– Как зачем? Я в поединке закрываюсь щитом, мой противник раскрывает хлебало и смотрит на щит, а я его тем временем долблю в темечко...

Он наконец понял, вздохнул.

– Все шутите, сэр Ричард. Хотя, признаюсь, это было бы новое слово в военном деле. Не в стратегии, конечно, но в тактике одиночных боев... гм... особенно если леди Бабетту.

Мы скалили зубы понимающе, ощутив общность самцов, что выше всяких сословных различий. Я хлопнул его по плечу, отправился дальше.

Впереди ярко освещенный холл, навстречу сладко потянуло березовым дымком, где-то в камине жарко сгорают целые полена. Донесся неритмичный стук огромных колес, прыгающих по выбоинам, а сверху – металлический скрежет. Я шагнул в холл уверенный, что придется подниматься по винтовой лестнице из камня, а на самой вершинке башни найду местного колдуна, однако обнаружил себя как будто в середине механизма старинных часов, типа тех, что в Биг-Бене или на Спасской башне. Наверх ведут шаткие мостки, дощатые, скрипучие, что начали раскачиваться сразу же, едва посмотрел на них.

К моему удивлению, по этой шаткой лестнице спускается молодая женщина, двумя пальцами высоко приподнимая платье, чтобы не наступить на подол. Я увидел полные белые ноги изумительной формы: не спортивные, а именно женственные, нежные, на которых тут же останутся отпечатки пальцев, если схватить достаточно крепко.

Она сошла вниз, опустила платье и тут увидела, как я выхожу из коридора. Лицо ее озарилось радостной и обещающей улыбкой, а рука слегка дернулась, будто пытаясь поднять подол выше, но, увы, пальцы уже выпустили блестящую ткань.

– Сэр Ричард!

Я поспешно поклонился.

– Леди Бабетта... Мое почтение...

– Моя любовь и почтение, – поправила она певучим голосом и подошла ближе, призывно покачивая бедрами в таком ритме, что мне захотелось ухватиться за них, то ли остановить качку, то ли... ну не знаю, просто очень уж захотелось ухватиться, я же не богослов, чтобы истолковывать каждое слово. И не суфий, чтобы в каждом находить семь значений.

Бабетта взглянула на меня снизу вверх широко распахнутыми глазами. Полные губы раздвинулись, показывая сочный рот, я услышал тихий шепот:

– Сэр Ричард, признайтесь, я никому не скажу...

Я насторожился, на всякий случай огляделся по сторонам. В пустом холле в полумраке сводов метнулись тени, я спросил еще тише:

– В чем?

– Вы... человек?

– Да вроде бы, – промямлил я, стараясь вспомнить, кто уже меня такое спрашивал, – а что случилось?

Она прошептала таинственно:

– Вы очень похожи на... огра!

– Я?

Она расхохоталась, запрокидывая голову, чтобы я лучше рассмотрел ее, да и вообще любая женщина, вот так откидывающаяся назад, для удержания равновесия должна нижней частью податься вперед, тем более что я невольно поддержал ее широкой ладонью на уровне талии, глаза смеются, она спросила страшным шепотом:

– Говорят, вы, огры, ненасытные, да?

– Все шутите, – ответил я с неловкостью. – На самом деле мы, огры, самые нежные и трепетные существа, как стрекозки.

– Великолепно, – сказала она с энтузиазмом. – Я всегда на лугах гоняюсь за стрекозками! Я пугливо огляделся по сторонам.

– На лугу разве что в коровье добро вляпаешься, а здесь так вообще ноги можно сломать...

Она сказала с энтузиазмом:

– Вы правы, так и поступим. Если вы такой застенчивый, то я сама к вам загляну... ха-ха... поболтать перед сном!

Она прижалась на миг, во мне вскипела кровь и разом отхлынула от мозга, Бабетта игриво захохотала, все поняв, чмокнула меня в щеку, прижавшись мягкой горячей грудью к плечу, и так же быстро отстранилась. Я некоторое время стоял весьма обалделый, в голове дивная легкость, горячая тяжесть совсем в другом месте, наконец заставил себя собраться, этим мы и отличаемся от всяких прочих, прошагал к дощатой лестнице, рядом на стене зловещая эмблема летучей мыши, горбатого кота и листа чертополоха, вздохнул и опасно поставил ногу на первую ступеньку.

С одной стороны – каменная стена, за которую постоянно хватался, с другой – временная ограда из жалких прутьев и натянутой веревки, даже бечевки, шпагата, каким перевязывают мелкие посылки. Чем выше я поднимался, тем плотнее прижимался к стене, пока не ощутил, что почти царапаю пряжкой ремня.

Сверху идут толстые канаты, цепи, веревки, иные постоянно двигаются, вон с жутким лязгом поползла цепь со звеньями размером в кулак, медленно опустился раскачивающийся металлический ящик, в котором что-то жутко гремит, трещит и бьет в стены с такой силой, что те выгибаются, словно из парусины.

Мостки стали еще уже, я наконец-то сообразил, что вся башня – некий механизм, окруженный толстой крепостной стеной. Механизм заполняет ее всю сверху донизу. Или снизу доверху. Доски прогибаются, это ж сколько падать, мокрое место останется...

Наконец лестница вывела на ровную площадку, тесно уставленную множеством механизмов, столов с тиглями и ретортами, где кипит, бурлит, пенится, справа в широком тигле плавится металл... ну как же, явно золото из дерьма пытаются сотворить, слева в камине потрескивают дрова, пламя ревет, стены в клубах дыма и в зеленоватом тумане, так что и не поймешь, что уже в комнате.

Над головой все те же маховики, двигающиеся зубчатые колеса, все скрипит, лязгает, и такое ощущение, что вот-вот развалится не только все это непонятное сооружение, но и сама башня.

Среди этого грохота и движущихся гигантских колес мечется человек в коротком кафтане, волосы седые, это понятно и привычно, но нет дурацкого колпака, длиннополого халата, более того – на миг мелькнул чисто выбритый подбородок. Я приближался медленно, маг меня не замечает, слишком все грохочет, весь в мыле, на лице крупные капли пота.

– Здравствуйте, – сказал я.

Он вздрогнул, обернулся. Живое молодое лицо дернулось, я отчетливо видел гримасу недовольства, тут же он вежливо улыбнулся.

– Вы тот молодой рыцарь, что прибыл утром?

– Верно, – согласился я. – Извините, что не нанес визита вежливости сразу.

Его брови удивленно приподнялись.

– Визит вежливости? Ко мне? Или вы так шутите?.. А, понятно, вам что-то нужно! Давайте попробую угадать... эликсир молодости вам ни к чему, силы вам тоже не занимать, лицо и фигура тоже в полном порядке... Увы, философского камня, должен вас огорчить, попросту не существует, так что превращать свинец в золото просто невозможно...

– Ого, – сказал я, – наконец-то сообразили. Интересно, как? Опытным путем или уже теорию подвели? Нет, я и в золоте не нуждаюсь. Просто перед сном заняться нечем, почему не поговорить с умным человеком? Не девок же на сеновал таскать?.. На фасад дворца еще полюбоваться... так эстет из меня хреновый.

По мере того, как я говорил, удивление в его глазах становилось все сильнее. Наконец он удивленно потряс головой.

– Вы откуда? С Юга?

– С Севера, – ответил я.

Он помолчал, поинтересовался почему-то очень тихим голосом:

– С Севера... близкого или дальнего?

Я подумал, что впервые кто-то разделяет так Север, что-то за этим кроется, сказал осторожно, но стараясь, чтобы прозвучало многозначительно:

– Об этом как-нибудь потом. Мне просто интересно... на каком уровне здесь поиски... э-э... неведомого. И какими путями двигаетесь.

Он хитро улыбнулся.

– Редкий маг делится своими секретами.

– Маг? – повторил я. – Это уже лучше, чем колдун или волшебник. А давай так, ты намекаешь только, чем занимаешься, а я тебе говорю, знакомо ли это нам... гм, северным искателям.

Он подумал, кивнул.

– Хорошо. Я давно оставил попытки отыскать философский камень, потому что... думаю, его просто не существует. Как у вас с этим?

– Он просто не может существовать, – согласился я. – А чтобы преобразовывать свинец в золото, понадобятся такие мощности, что добытое таким способом золото будет в тысячу раз дороже обычного.

Он кивнул снова.

– Вот-вот, я именно о таком и подумал.

Он вдруг умолк, насторожился. Глаза сощурились, взгляд стал острым. Я ощутил, как мириады муравьев забегали по всему телу, пытаясь прогрызть кожу. Маг напрягся, на лбу и висках выступили жилы.

Я сказал сочувствующе:

– Не получится. Уже пробовали.

Он вздрогнул, спросил невольно:

– Что не получится?

– Просканировать, – пояснил я. – Говоря проще, не получится вот так просмотреть меня на просвет, как намасленную бумагу. Или маги так не говорят?

Он сказал медленно:

– Не говорят... вы ощутили?..

– Да.

Он развел руками.

– Простите. Обычно этого не замечают. Я не сразу ощутил в вас... необычность.

– Все мы уникальны, – заверил я. – Вы не пробовали сравнивать отпечатки пальцев? Могу научить. Хотя зачем?.. Многое, что я мог бы подсказать, именно это самое «зачем»... Видимо, я такой уж мутант.

Его взгляд стал острее.

– Я дважды встречал это слово в древних книгах. Думаю, это не ошибка, а в нем есть какой-то смысл.

– Не знаете, – спросил я, – что это? Ну, пришлось бы начинать с опытов одного монаха по имени Мендель, но я вступление пропущу, все равно это другая... алхимия. Словом, мутант – это человек, зверь или любое другое существо, в теле которого произошли изменения на очень-очень мелком уровне. А чем мельче, вы же понимаете, тем важнее. Большинство мутантов мрет, но малая часть выживает и дает потомство. Так появились орки, гномы, эльфы, колдуны и прочие не совсем обычные твари. По крайней мере, так считают маги в моем королевстве.

Он слушал внимательно, выражение глаз постоянно менялось.

– Мне бы очень хотелось пообщаться с вашими магами. Наверное, они в каких-то вопросах продвинулись даже дальше, чем я.

– Вы льстите, – сказал я. – Например, я так и не понял, чем все это ваше хозяйство приводится в действие.

– Чем приводится? – переспросил он в недоумении. – Обыкновенно... Ах да, вы не знаете про камень Роршанга? Да, это большая редкость, но все маги читали о нем...

– Я не маг, – пояснил я. – Не колдун. Просто у меня был один знакомый... даже не столько маг, сколько алхимик. Так что знаю немного, но все отрывками, урывками... Этот камень, как я понял, набрал столько энергии, что все еще отдает?

Его лицо моментально изменилось, глаза сузились, на меня смотрит совершенно другой человек, настороженный и враждебный.

– У вас друзья алхимики?

Я сказал поспешно:

– Я человек дружелюбный и страсть как общительный, так что дружу со всеми, даже с непотребными девками. А что, есть какая-то разница?

Он сказал все еще недружелюбно:

– Алхимики – это такие маги, которые отвергают все великие достижения величайших магов прошлого! Они дерзостно пытаются начать все сначала, понять природу материи... на последнем Великом Слете Магов их деятельность была признана неверной. Здесь в замке есть один... живет в этой же башне, только в подвале... Жалкий человечек, абсолютно ничего не достиг, да и не достигнет...

– Вы говорили про камень Роршага, – напомнил я.

– Роршанга, – поправил он автоматически. – Простите, не выношу того глупого человека! Есть мнение, что камень все еще набирает мощь от звезд... и в то же время отдает. Вечный двигатель!

– Разве вечные бывают? – удивился я.

Он посмотрел на меня исподлобья, с подозрением.

– Тот, который называет себя алхимиком, уверяет, что вечных не бывает. Дурак... Как же не бывает, когда вот он! Видите, как крутит все эти механизмы?

– И слышу, – согласился я. – Сколько тебе понадобится для составления карты южных земель? Не всех, конечно, но вот от этого герцогства и до обеда, а то и до ужина. Кстати, я плачу золотом. Настоящим, не философским.

Он развел руками.

– Примерную хоть сейчас. Сохранились старые карты... Но настолько старые, что на месте лесов могут оказаться болота, а там, где раньше проходили дороги, – трещины с кипящей лавой...

– Нет-нет, – сказал я поспешно, – лучше подробнее. С меридианами и широтами. Сколько понадобится?

Он возвел очи к потолку, но потолка не видать, в дыму все крутится, колыхнется, качаются противовесы, задумался.

– Если через птиц, то их глазами... м-м-м... за двое-трое суток... Если же звезды сойдутся, то за одну ночь... Я однажды видел весь Юг до мельчайших подробностей... это длилось целую минуту, затем звезды сдвинулись, а я по таблицам рассчитал, что второй раз такое повторится через сто семьдесят тысяч лет. Увы, я был так потрясен увиденным, что ничего не запомнил. Могу сказать только, что Юг населен куда плотнее, чем Север... Там огромных городов больше, чем на Севере сел и деревень, их мир дивный и странный, я едва не потерял рассудок от отвращения...

Часть механизмов остановилась, стало тише, дым унесло ветром, с ближайшей стены на меня злобно уставились пустыми глазницами как черепа оленей, как и человеечьи: крупные, средние, мелкие – с высокими лбами и, напротив, с толстыми надбровными дугами и лошадиными челюстями. Между окнами я рассмотрел затейливый узор из десятка отрубленных кистей с растопыренными фалангами пальцев. На некоторых поблескивают кольца, даже перстни. Все это прикреплено к стене серебряными гвоздиками с красивыми шляпками в виде цветочков.

Я невольно посмотрел наверх, нет ли абажура из человечьей шкуры, хотя здесь вряд ли еще додумались до абажуров, однако книги, похоже, именно в той самой коже, про которую подумал. Так что если маг, спокойно вываривающий черепа и кисти рук, мог упасть в обморок, то в самом деле увидел что-то невероятно отвратительное.

– Вообще-то я планирую отправиться в путь завтра с утра, – сказал я. – Сделай все, что сможешь. Мне нужна карта, куда плыть, в каком месте пристать к берегу, чтобы не сразу пойти на харч местным чудищам. Укажи, где безопаснее выходцу с Севера прожить хотя бы несколько недель. Вот золото. Настоящее.

Я бросил на стол пару золотых монет, внимательно следя за лицом мага. Оно вспыхнуло, как под лучом яркого солнца, значит, я дал больше, чем он ожидал, потому я выпрямился и сказал надменно:

– Рано утром загляну. Рисуй хоть всю ночь!

Глава 9

Спускаясь по тем же шатающимся мосткам, ну никак не приспособленным для человека моего веса и положения, я успокаивающе сказал себе, как врач-психотерапевт, что маг в том ужаснувшем его видении Юга мог всего лишь увидеть девушку в мини-юбке. А если бы увидел ее многочисленный и многоместный пирсинг, точно грохнулся бы в обморок. Так что вовсе не обязательно, что на континентальном Юге в самом деле что-то такое уж жуткое, от чего я тоже грохнусь сверху шпорами.

Но как ни психотерапевтил себя, тянущее ощущение во внутренностях разрасталось и уже грызло кости. Во дворе слуги шарахнулись было, когда я вывалился из башни, но разглядели, что не тролль и не огр, засмеялись нервно своему испугу, кто-то сказал с истерическим смешком:

– Ваша милость, в другой раз точно проломите все доски!.. Говорят, он нарочито делает мостки такими хлипкими...

– Зачем? – удивился я.

– Чтобы к нему никто не лазил! Он сам выходит, когда нужно. А мы, если припечет, ходим к Жофру. Этот, наоборот, живет здесь же, в подвале. Подвал надежнее, из него никуда не упадешь...

– А Жофр, – спросил я, – тоже маг?

– Еще какой, – ответил слуга словоохотливо. – Умеет даже больше, чем Вегеций, но только, говорят, совсем продал душу дьяволу!

– Это нехорошо, – сказал я. – Ай-яй-яй. Покажи, где он?

– Да вот дверь к нему... Позвольте, ваша милость, я вам посвечу на ступеньках.

Мы спустились в подвал, на той стороне угрюмого и пустого помещения проступила закопченная дверь.

– Вон там, – промолвил наконец слуга. Он сплюнул через плечо и сказал с неодобрением:

– Мы уже и забыли, когда сами были в церкви... разве что как-то в детстве дождь загнал, многие даже не пробовали и лоб перекрестить... но то, что делает этот чернокнижник, это уж совсем... чересчур!

Он поспешно ушел, а я пересек пустоту подвала, постучал в железо, выждал, несколько раз ударил ногой.

Дверь отворилась, в лицо пахнуло жаром и едкими запахами. По ту сторону с нетерпеливым ожиданием смотрит крепкий моложавый мужчина в рубашке с засученными рукавами и кожаном переднике. В толстых рукавицах, в правой длинные клещи, другой придерживает дверь.

– Что случилось? – сказал он резко. – Я же сказал...

Он умолк и посмотрел на меня внимательнее. Я улыбнулся.

– Можно войти? Я не слуга, которого послали торопить с заказом.

Он нехотя отступил, я почти на голову выше, по мне видно, что я – рыцарь, во всяком случае – из благородного сословия, такого попробуй не пусти. В обширном помещении жарко, пахнет реактивами, на трех столах в больших и малых ретортах кипит, булькает, возгоняется, стены в стеллажах с книгами, редкостями, черепами людей, зверей, пучки корешков, связки трав, в дальнем углу пылает настоящий горн кузнеца, только поизящнее, справа навалены горкой высушенные березовые поленья, слева наготове длинные щипцы, кочерга, лопата с изогнутой ручкой.

Я с удовольствием огляделся.

– Красота... Жить вот так и даже не знать, что замок чуть было не перешел в другие руки.

Мужчина за спиной спросил с недоумением:

– Это как?..

– Да вот так, – ответил я. – Лорд Кассель сделал попытку захватить замок в отсутствие хозяина. Но, к счастью, появился благородный рыцарь на белом коне... Это он с виду черный, а так на самом деле белый... и вот на этом белом коне всех побил и разогнал. Сам он, ессно, тоже в белом, а разогнанные... понятно в каком. Это я о себе, любимом. Так что преисполнись благодарности, что можешь продолжать заниматься своей нечестивой, но такой увлекательной алхимией, и ответствуй мне, как на духу, есть у тебя карта стран Юга?

Он хмуро смотрел, как я сдвинул кучу толстых старинных книг на край лавки, сел. Дубовая доска затрещала под моим весом. В спину приятно тянет сквознячком.

– Ваша милость, – произнес он, – такой карты нет даже у благородного герцога Готфрида.

Я внимательно смотрел в его лицо, на миг там нечто дрогнуло, я вздохнул, явно врет, но у меня нет средств давления, а там, где нельзя в лоб на боевом коне, надо на серой козе.

– Что-то ни летучих мышей, – заметил я, – ни черного кота. Даже не завывает в дымоходе. Неинтересно. Как будто и не колдун вовсе.

Он буркнул:

– Ваша милость, я не колдун.

– А кто же? – спросил я с наигранным удивлением. – Да ты садись, позволяю.

Он покачал головой.

– Ваша милость, мне надо следить за растворами, вовремя смешивать, остужать, подогревать... Уж не обессудьте.

– Если не колдун, – спросил я настойчиво, – то кто?

– Алхимик, – повторил он устало. – Вы же видите, чем занимаюсь.

– Ты не дерзи, – напомнил я, – с благородным сословием разговариваешь! Что это за алхимик?

– Алхимик, ваша милость. Меня Жофром зовут.

– Да хоть как назови! Что это, если не колдун?

Он колебался, прежде чем ответить, взглянул мне в лицо быстро, но я напустил скупающее выражение, и он сказал как бы невзначай:

– Я стараюсь понять, что происходит из чего. Все, что я смогу достичь, смогут и другие. В колдовстве все наоборот...

Я осматривал это жилище и одновременно лабораторию алхимика, именно с таких вот подвалов начинается новый мир, что приведет к Интернету, мобильникам и харасменту. Значит, я как раз попал на водораздел, когда из магии начала вычленяться алхимия, а та, в свою очередь, разделится на исследователей и шарлатанов. Причем у шарлатанов и лаборатории будут побольше, и субсидии получают, и мощности сразу захватят под свои громкие обещания...

– Да, наверное, – согласился я, – в колдовстве, как и в политике: сперва человек угнетал человека, а потом все наоборот... А чем занимаешься именно ты?

Он пожал плечами, но, осматривая колбы, начал рассказывать нехотя, увлекся, энтузиаст, такой и летучим мышам бы рассказывал, я слушал, наконец врубился, что он пытается проделывать то, что мы проходили на первых же уроках химии, возликовал втайне и самым небрежным тоном сообщил, что а вот мой алхимик в моем замке делает вот так и вот эдак. И у него получается неизменно вот так, чудесное вообще-то превращение, если на взгляд рыцарей и королей, но вполне объяснимое просто грамотными людьми.

Он слушал с недоверием, потом все-таки сделал так, как я сказал, минут через десять я услышал ликующий вопль. Алхимик плясал и подпрыгивал, из колбы выплескивалась голубоватая жидкость.

– Осторожно, – предупредил я, – не прожги штаны.

– Ваша милость! – вскричал он ликующе. – Получилось!.. вы-то как все это запомнили?

– Я тогда долго у него сидел, – объяснил я, – позолоту на шпоры накладал.

– А что-нибудь еще... не подсмотрели?

Я усмехнулся.

– Подсмотрел. Но если скажу, то это будет путь колдовства, верно?..

Он вздохнул, плечи опустились, взор погас. Пальцы нервно потербели кожаный передник.

– Да, вы правы, ваша милость.

Я засмеялся.

– Нет, вовсе нет! Необязательно в каждом селе изобретать свою телегу. Достаточно знать ее принципы. Так что я тебе расскажу, как что работает, а ты уж сам думай, как приспособишь... Конечно, если получу карту, как лучше переплыть океан и где безопаснее причалить к берегу.

Он посмотрел мне в лицо, поколебался, махнул рукой.

– Что карта!.. Всего лишь колдовство. А это... это было знание. Договорились!

– Покажи, – велел я.

Он щелкнул пальцами, в стене раздвинулись каменные глыбы. По воздуху выплыла свернутая в рулончик и перевязанная лентой трубка. Снова щелчок пальцами, с треском разлетелся сургуч, ленточка вспыхнула и рассыпалась золой, не повредив бумаги, что красиво развернулась, образовав квадрат... и тут же свернулась. Я успел увидеть реки и горы, словно бы сфотографированные с высоты орлиного полета, даже краешек моря, удивился:

– Все-таки магией пользуешься?

– А кто ею не пользуется? – ответил он с пренебрежением. – Но это темное искусство, я его презираю, потому что не знаю, почему то или другое происходит.

– Общий принцип верен, – согласился я. – Более того, ты, похоже, в магии знаешь побольше конкурента, что наверху. А он тебя не любит, очень не любит...

Жофр слабо улыбнулся.

– Не может мне простить, что камень Роршанга я отдал ему.

– Гм... а зачем? – спросил я ошарашенно. – В нем такая мощь...

– Меня унижает то, – произнес он высокопарно, – чего не могу понять. Такая мощь, как подачка нищему. Этот камень отыскал я, а потом, не сумев понять, как именно он заставляет работать разные механизмы, подарил его Вегецию. С тех пор он меня возненавидел.

– Логично, – согласился я. – Именно так и должен был поступить нормальный человек: добро взять, а потом плюнуть в дающего. Ладно, теперь слушай. Начнем с атомарной теории Демокрита... Только ответь сперва на пару вопросов: что такое вот это...

Жофр в сомнении посмотрел на мой амулет.

– Я читал о таких вещах...

– Это не магия, – сказал я поспешно. – Он работает на твердой научной основе.

– Какой?

– Пока нам непонятной, – объяснил я, – но если кто-то из алхимиков раньше тебя что-то создаст, ты же не станешь объявлять его создание... в смысле изобретение или открытие магией? Или будешь?

Он пробормотал:

– Постараюсь понять принцип. Если понять принцип, можно понять все.

– Принцип работы этой штуки пока неизвестен, – сказал я, – но от этого она не становится магической. Давай вспоминай, что она может делать еще?

Он покачал головой.

– Откуда я знаю? Я только видел изображение в одной из очень древних книг. Еще и книгу эту надо найти! Там могут быть пояснения, описания, комментарии.

– Ладно, – сказал я, – тогда второй вопрос: что такое Кристалл Огня?

Он помолчал, ответил с некоторым удивлением:

– Сэр, вы спрашиваете такие вещи, о которых даже маги знают далеко не все. К счастью, я кое-что слышал. На самом деле это не кристалл. И огня там нет. Это нечто могущественное из эпохи Великих Магов. Говорят, в недрах земли обитают особые демоны из сгущенной магии... наверх подниматься не могут, сразу превращаются в эти кристаллы. Однако их можно снова в прежнюю форму... и, кроме того...

– Что?

Он ответил с неуверенностью:

– Из Кристалла тоже можно брать магию. А ее в каждом из них – море. Собственно, на этом мои знания об этом предмете заканчиваются. Так, крупички...

Я кивнул.

– Благодарю. Курочка по зернышку клюет, зато весь двор в... Слушай.

Около часа я выкладывал ему все, что помнил из химии и физики, а помню, честно говоря, очень мало, вообще-то какие-то лохмотья в голове, но Жофр слушал весь бледный, с вытянувшимся лицом, глаза горят, как два прожектора, уши вытянулись на полметра, впитывает каждое слово, ведь я сейчас уйду, а он останется с ворохом ценнейших сведений, половина которых забудется еще до того, как бросится записывать ускользающие мысли...

Когда он был, казалось, близок к обмороку, я умолк, поднялся.

– Мне нужно еще кое-что сделать, извини. К сожалению, даже великие ученые вынуждены выполнять рутинные обязанности, а уж про рыцарей и говорить не приходится.

Он поднялся, ошалелый, с горящим лицом, механически протянул мне карту, на лице отрешенное выражение, я сообразил наконец, что он под властью какого-то заклятья, что позволяет запомнить как можно больше из того, что я сказал.

Отсалютовав, как рыцарь рыцарю, я пошел по ступенькам вверх, на пороге оглянулся.

– И вот еще, – сказал мягко, но строго. – Я не знаю, к примеру, что такое электричество... это в моих землях так называется некая мощь, и никто на свете не знает! Но это не мешает им пользоваться. Так что не перегибай... Это к тому, что зря от камня Роршанга отказался. Ты мог бы многое сделать, имея под рукой такую реку энергии.

Во дворе уже полыхает пурпуром грозный закат, это же сколько я просидел в подвале Жоффа-алхимика, зубчатая башня, подсвеченная с той стороны снижающимся солнцем, полыхает по краю, будто горит железо в кузнечном горне. Небо на западе раскалено, как угли в костре, а на востоке лилово-фиолетовое, медленно наливается цветом, темнеет, уже всплывает яркий диск луны.

– Сэр Ричард!

Я оглянулся, за мной спешит мажордом Жан, лицо брезгливо-недовольное, но заговорил идеально ровным и бесстрастным голосом:

– Сэр Ричард, был гонг к ужину.

– Сколько на переодевание? – спросил я.

– Простите, сэр...

– А-а-а, у вас к ужину не переодеваются? Ладно, можно вот так за стол?

Он в некотором колебании кивнул.

– Да, сэр... Гонг означает, что пора в обеденный зал...

– Надо бы с некоторым упреждением, – посоветовал я серьезно. – Один гонг на переодевание, второй – на торжественное и чинное шагание в зал. Ладно, что взять с провинции... Кстати, приведите мою скромную собачку.

В обеденном зале за столом уже все четыре женщины, Даниэлла, как всегда, в голубом платье, Дженифер – в алом с золотом, Изабелла – в темном, Бабетта... ох, у Бабетты каждый раз новое, настоящая женщина, не говоря уже о том, что и прическу всегда меняет: сейчас вот такая вавилонская башня золотых волос, словно Бабетта собралась на войну, а платье настолько открытое, что уже балансирует на грани неприличия.

Она улыбнулась мне заговорщицки, напоминая, что скоро ночь, она здесь свободная женщина и явится ко мне скрасить мое одиночество. Слуги с размеренностью големов расставляют блюда, я поклонился с порога, принес извинения, стараясь сделать их не слишком цветистыми, не поймут, дуры. На широкой белой тарелке со скромно сложенными кулечками громоздится объемная курица, что не курица, вокруг нее зелень, ломти лимона, еще какая-то изысканная хрень, которую я обычно брезгливо отгребая вилкой или ножом на край тарелки и больше не прикасаюсь. Обойдя стол, понял, почему курица уже и не курица, а вроде даже гусь: из распоротого пуза вываливаются коричневые комочки зажаренных в сухарях перепелов и скворцов.

Я сел, как и в прошлый раз, за самый дальний конец стола. Мне показалось, что леди Изабелла предпочла бы, чтобы я сидел ближе: после моего заявления, что на рассвете поеду дальше, заметно подобрела.

Курица призывно блестит оранжевой шкуркой, я вижу, как кое-где она шевелится, это горячий пар пытается найти выход, и только сделаю первый надрез, вместе со струей горячего пара брызнет обжигающий сок, восхитительно лакомый, настоящий эликсир жизни...

А рядом на зеленой тарелке с фигурно погнутыми краями таких же размеров курица и тоже со скромно сложенными кулечками, но зажаренная круче, корка коричневая, к тому же усыпана чем-то вроде тмина или перца. Я ощутил призывный запах, которому мужчина не в состоянии отказать. Проще отказать от женщины, чем от такой умело зажаренной птицы, когда шкурка готова хрустнуть под пальцами, выстреливая в разломы тончайшими горячими ароматами.

Эта курица тоже начинена мелкими тушками, перепелиными яйцами вперемешку с горькими травами, красными стручками перца, а по бокам обложена луковицами и чем-то еще, да хрен с ним. Пора начинать...

Дженифер и Даниэлла тихонько переговариваются, поглядывая на меня хитренько, я сказал Псу громким шепотом:

– Как ты думаешь, женщины, которые полагают, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, метят слишком высоко?.. Или нет?

Женщины переглянулись, я тут же сложил ладони у груди, сказал благочестиво:

– Авэ Мария... Лаудетур Езус Кристос... Отче наш, аминь!.. Спасибо тебе, Господи. С таким ужином никакой враг не страшен. Я вообще-то передумал отдавать его врагу. Леди Дженифер, прошу не принимать на свой счет. Я имел в виду, что жизнь – это борьба! До обеда – с голодом, после обеда – со сном. А сейчас так и вовсе ужин... Кстати, почему зал называется обеденным, если ужинаем?

Леди Изабелла чуть вскинула бровь.

– Вам, сэр Ричард, менестрелем быть.

– Почему?

– Патрик тоже всегда интересуется, почему называется так, а не иначе.

Они все легко и просто брали руками даже самые жирные блюда, я же все-таки старался больше орудовать ножом, и хотя здесь вилок еще нет, все же накалывал на острие и так тащил в пасть, хотя здесь это может выглядеть недостаточно элегантно. А фиг с ним, скажу, мол, зато мужественно. И вообще, может быть, я северный тунгус.

– Вам нравится? – спросила леди Изабелла.

– Еще бы, – ответил я с энтузиазмом. – Белый ужин! Дамы кормят мужчин! Разве это не мечта? Я всегда был против, чтобы ужин отдавать врагам, куда лучше делить с хорошенькими женщинами. Особенно если ужин заканчивается завтраком.

– Понравились ли вам покои? – осведомилась леди Изабелла с материнской заботой, в которой мне почудилось нечто еще. – Не нужно ли что-то добавить, что-то убрать? Говорите,

сэр Ричард. Мы вам так обязаны, что если не нравится, то предложим на выбор любую из свободных комнат. У нас их теперь много, очень много.

В последних словах явственно прозвучала горечь, я сказал учтиво:

– Леди Изабелла, я просто поражен роскошью и богатством апартаментов вашего замка!.. Такие ковры, гобелены, шкуры невиданных зверей... А эти двенадцать рыцарей, что как двенадцать паладинов Карла Великого охраняют покои? Это бесподобно!

Она не отрывала от меня внимательного взгляда.

– Вам понравилось? Тогда вас не смутит, надеюсь, упоминание, что это не просто доспехи наших давно ушедших предков.

Я насторожился.

– А что?

– В те времена существовал обычай... не хоронить в земле, а кремировать... хоть это не совсем кремация в том смысле, как понимаем теперь. Для доступности принято считать, что урна с прахом находится внутри доспехов. Но это не совсем так...

– А как? – спросил я.

Дочери молчали, даже перестали таскать с большого блюда тонкие ломти красной рыбы. Я посмотрел, как их челюсти двигаются все медленнее, перевел вопрошающий взгляд на герцогиню.

– Это трудно объяснить, – ответила она с неохотой, вынужденно усмехнулась: – Не хочется признаваться, что не знаю, как это делалось... но прах как-то соединялся с самими доспехами. Так что сами доспехи можно рассматривать как своеобразные урны с прахом...

– ...хоть и без праха, – закончил я оптимистически, не могу смотреть, как женщина не то неумело врет, не то стесняется признаться, что дура душой, а ведь приходится сознаваться в присутствии дочерей, теряя родительский авторитет всезнаемости. – Можно мне вон ту птичку? Благодарю... Летала, чирикала, в Красную книгу мечтала попасть, дура...

– Вам какое вино? – поинтересовалась она. – Красное, белое, крепкое, сладкое...

– Я за рулем, – ответил я. – В смысле с утра в путь. Не хочу, чтобы в крови был алкоголь, он замедляет реакцию.

Леди Бабетта дала понять взглядом, что это же прекрасно. Никуда не нужно торопиться, люди – не кролики, все нужно делать медленно и со вкусом, а леди Дженифер фыркнула:

– Да вы и так какой-то замедленный. Вы не зимой родились?

– У нас всегда зима, – согласился я. – Север, что с нас возьмешь.

– Это заметно, – обронила она с холодком.

– И потому холодные взгляды для нас, – пояснил я, – ну, дальше вы понимаете.

Леди Бабетта одарила меня не то что теплым, обжигающим взглядом, спросила заговорщицки:

– Как мое платье? Смотрится?

– Любое платье лучше всего смотрится на спинке кресла, – ответил я дипломатично. – По платью встречают, коли рожа крива, а у вас с рожей вроде пока хорошо, так что не надо так уж с этими платьями. Мужчины, знаете ли, не совсем на платья смотрят.

– Знаю-знаю, – сообщила она хитренько, – вы стараетесь разглядеть, что у нас под платьем?

– Да, – признался я сокрушенно, – а то дурите нашего брата с этими обручами из китового уса. Может быть, у вас вообще ног нету! Жизнь такая, всего ожидать можно.

Она сказала с наигранным возмущением:

– Это у меня-то ног нет?

– Ну да, – сказал я невинно, – вдруг у вас там рыбий хвост! Уж очень вы на ундины смахиваете.

Она вскинула брови, от чего глаза совсем округлились.

– От меня рыбой пахнет?

– Песнями завлекаете, – пояснил я. – Сколько моряков из-за вас корабли разбили?

Она захохотала, запрокидывая голову, демонстрируя нежную шею, я старался слишком уж не пялиться на ее грудь, а то леди Дженифер совсем уж позеленела от злости, даже Даниэлла поглядывает на меня с укором, только герцогиня улыбается одними глазами, для нее эти пикировки – давно пройденная эпоха.

Глава 10

Повар поставил на середину стола огромный торт, весь в белом креме, сверху как красная корона горят рубины крупных ягод клубники, устремленные острыми кончиками в потолок. Я благовоспитанно похлопал в ладоши, на недоумевающий взгляд герцогини сказал с вежливым удивлением:

– Разве у вас не принято награждать аплодисментами... э-э... проявления высокого искусства?

Герцогиня ответила, на мой взгляд, туповато:

– Искусства?

– Ну да. Патрику ведь хлопали? А здесь то же самое.

Повар метнул на меня взгляд, полный благодарности. Я понял, что теперь у меня и на кухне есть свой человек. Бабетта ухватила нож и лихо разрежала торт на несколько клиньев, управлялась умело, мне почему-то показалось, что вот так же легко и с улыбкой она может вспороть и живую ткань, глядя в глаза красивыми смеющимися глазами и выпрашивая явки и пароли.

– Сэр Ричард, – предложила она, – вам, как гостю, самый сладкий кусок.

– Из ваших рук, – ответил я галантно, – даже яд покажется сладким!

Она не уловила двусмысленность, да вообще-то получилось нечаянно, я не такой умный, чтобы на ходу сооружать из слов хитросплетения, улыбнулась мне полными зовущими губами. Молчаливый слуга разнес и поставил перед каждым изящную чашу, охваченную поверху золотым ободком, внутри которой будто налито расплавленное золото. Другой опустил передо мной широкую фарфоровую чашку с темным ароматным чаем.

Под столом послышался вздох, потом приглушенный стук костей. Я зачерпывал ложечкой мед, прихлебывал горячий напиток, за столом тишина и странное умиротворение, как будто все уже не только решено, но и произошло: я уехал, унося с собой и все проблемы, которые могли бы быть.

Мажордом Жан величественно и торжественно застыл у входа, как кремлевский курсант, что даже не дышит. Суров и строг, само величие, но бдит, когда понадобится он сам или его вмешательство. Пес выбежал из-под стола раньше, чем я поднялся, добежал до мажордома и уставился жуткими глазами.

– Вас проводить, милорд? – спросил мажордом.

Он обращался вроде бы ко мне, так как милорд больше я, чем Пес, но смотрел на него, однако я решил принять на свой счет и благодушно отмахнулся.

– Я человек простой, лесной. Как-нить доберусь. Если нет, собачка след возьмет... Отдыхай!

Пес унесся по коридору, исчез, а когда я добрался до выхода на веранду, он стоял там, встав на задние лапы, и, упершись передними в парапет, с интересом наблюдал за двором. Там при свете факелов что-то происходило, слуги выносили во двор бочки и совали туда факелы, в ответ взметывалось яркое пламя.

– Как думаешь, – спросил я, – это не Жофр чудит?

Пес внимательно всматривался в суету, качал головой.

– Если не он, то еще хорошо, – вздохнул я. – А то уже и не знаю, хорошо ли сделал, что наболтал всякое... Вдруг атомную бомбу сотворит в чулане из подручных средств?

Солнце, не дойдя до горизонта, утонуло в зловеще-сизой мути, еще когда я шел ужинать, мир потускнел, золото неба потеряло яростный блеск и обрело сперва цвет хурмы, затем лиловость и налилось грозной вещественной тьмой. В это время купол неба особенно высок, сердце замирает от необъятности того, что угадывается по ту сторону, а звезды выступают тор-

жествующе, победно, их мириады, с каждой минутой они ярче, колючее, от их стоаргусности не спрятаться, не укрыться.

Я стоял в тени и полной тишине, наблюдая, как с наступлением глубокой ночи крылатые звери становятся все крупнее, мелочь как-то затушевалась, а эти гиганты охотятся уже на мелких собратьев, как волки на зайцев. Я наблюдал зачарованно, никогда не видывал столько крылатых тварей так близко. Некоторые пролетают совсем рядом, всякий раз обдает волной нечистого теплого воздуха.

Послышались легкие нерешительные шаги. Из полумрака коридора вышла под лунный свет леди Дженифер. Камешки в золотом венце блестят тихо и таинственно, мириады искорок пробежали по тщательно уложенным волосам, под заколкой блещет темная роза. Пес повернул голову и с интересом смотрел уже на юную леди.

Леди Дженифер изящно оперлась о балюстраду, лунный свет красиво искрится на длинных волосах, убранных в незатейливую прическу, точеное лицо задумчиво и прекрасно.

Я кашлянул, давая понять, что она не одна, нас здесь трое, выждал, пока справится с замешательством, вышел на свет.

– Леди Дженифер, – сказал я галантно, – какой у вас красивый свитер!

Она кивнула с поистине королевской небрежностью.

– Настоящая верблюжья шерсть. Вы, конечно, не догадываетесь, что, кроме коров, которыми вы крутили хвосты, бывают и другие животные...

– Что вы, – отмахнулся я, – я сразу это животное узнал по двум горбикам. Или вы что-то подложили, чтобы вас принимали за женщину?

– Вы же паладин, – сказала она язвительно, – вам нельзя смотреть на женщин! И даже думать о них.

– Какое счастье, – сказал я с чувством, – что не вы писали Кодекс Паладинов. Но я не на женщин смотрю, а смотрел на небо. Хотя мог бы солгать, сказав, что любовался вами...

– Еще бы, – сказала она саркастически, – вы просто счастливы солгать женщине!

Я сдвинул плечи.

– Согласен, что нет ничего хуже, чем обманывать женщину... Но зато и ничего нет приятнее, когда это получается. Но я вообще-то, как уже сказал, просто любовался небом. Смотрите, вон звездочка упала... Какая яркая!

– Где?

– Да вон же!.. Порнозвезда, наверное. Тогда на счастье, на счастье!

Она поморщилась.

– Вы, очевидно, не знаете, что звезды вообще-то не падают.

– Как не падают? – сказал я нагло. – Вон как покатилась!

Она мотнула головой, дураков учить – мозоли будут, поинтересовалась ядовито:

– Вы, наверное, ищите, как пройти к дворовым девкам?... Заблудились?

– Замок зело велик, – согласился я, – заблудиться можно запросто. Строили ведь не по плану, а по творческому вдохновению... творческие люди, как известно, не просыхают. Понятно, что получилось. Но жить где-то надо?

Она поджала губы.

– Вы уж признайтесь лучше, что ориентируетесь только в сараях. Коридоры и залы – не для вас.

– Человек, – сказал я важно, – признающий свою ошибку, когда он не прав, – мудрец. Человек, признающий свою ошибку, когда он прав, – женатый. Так какого же я... ангела ляпну такую глупость? Только ради ваших злобно прищуренных глаз? Да я лучше крокодила поведу на прогулку!

Она не врубилась, при чем тут крокодил, а я объяснять не стал. В небе промелькнуло, мелкий дракончик, размером с синицу, но крыльями втрое шире, с размаху налетел на ее высо-

кую прическу и запутался в волосах. Башня волос рассыпалась, роза упала под ноги. Я торопливо поднял, подал с учтивым поклоном.

– Это он вас принял за что-то доброе и пушистое.

Она с отвращением ухватила за хвост и отшвырнула невежду. Он закувыркался в воздухе, но над самым полом сумел расправить крылья, метнулся прочь, с испугу задел стену, к нам донесся быстро удаляющийся жалобный крик.

– Зря вы так бедную жабу, – упрекнул я мягко. – Наверное, ей гнездо вить пора.

Дженифер огрызнулась:

– Они не вьют гнезда!

– Тогда норку рыть, – рассудил я, – да перестаньте сердиться на пресмыкающееся. Зато я увидел, какие у вас чудесные волосы. Представляю, как они красиво раскидываются по подушке...

Она сверкнула глазами так, что сполохи заплясали по стенам.

– И не мечтайте! Вам такое не увидеть.

Я лицемерно, но довольно натурально вздохнул, женщинам надо льстить, нам это ничего не стоит, молча смотрели на звездное небо. Звезды будто роятся и стрелой взмывают в небесную даль, такую причуду зрения не объяснить, но безумно красиво, признаюсь в глубинах своей мохнатой и очерстевшей души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.